Таня Гроттер и локон Афродиты

Автор:
Дмитрий Емец

Таня Гроттер и локон Афродиты

Дмитрий Емец

Таня Гроттер #10

Много столетий странствует по свету локон золотых волос богини любви Афродиты. Давным-давно подарила она его своему возлюбленному, и непонятно, чего больше этот артефакт принес в мир – радости или скорби… И вот локон Афродиты загадочным образом попадает к Тане Гроттер. А у нее жизнь и так бурлит событиями. Подходит к концу учеба в Тибидохсе. Впереди выпускные экзамены! Затем предстоит полет в Магфорд, где в составе команды невидимок она примет участие в матче со сборной мира. Однако время, отведенное артефактом, неумолимо истекает. Чтобы локон Афродиты соединил судьбы, нужно произнести свое имя на один конец пряди и имя избранника – на другой. Если не назвать имен, Таня никогда не узнает любви. Кого же выбрать? Ваньку Валялкина? Гурия Пуппера? Глеба Бейбарсова? Но самое главное – кто и зачем прислал ей этот коварный артефакт?..

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и локон Афродиты

Разум – застывший тонкий лед на океане безумия. Чтобы не провалиться, нужно один раз взять себя в руки и уже не отпускать никогда.

Шар с воздухом поднимается наверх, а камень падает вниз.

Сложно представить, что Бог кого-то наказывает.

Легче предположить, что существуют законы духовного мира, столь же непреложные, как законы мира физического.

Из несуществующего философского трактата

СПРАВОЧНИК МАГИЧЕСКИХ ЗАКЛИНАНИЙ

Печатается с любезного разрешения

пожизненно-посмертного главы Тибидохса,

лауреата премии Волшебных Подтяжек,

акад. Сарданапала Черноморова

Искрис фронтис– боевая искра белого мага.

Пундус храпундус – усыпляющее заклинание. Снимается с рассветом.

Первачус барабанус – для просушки мокрой одежды.

Топтакли-лягакли – «пинательное» заклинание. Нельзя отменить.

Болеус обуздатус – заклинание против боли.

Паранойус крышус срывонис! Маразматут кульминационит! – малополезная комбинация духоотгоняющих заклинаний.

Полниссимо дебилиссимо! Склеротикус маразматикус! – заклинания стирания памяти.

Туманус прошмыгус – заклинание взломщика (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Дрыгус-брыгус – заклинание против простейшей нежити, Черных Штор, полтергейстов и привидений.

Караваждис феокссирис! – заклинание против Короля Привидений(один раз в год).

Грааль Гардарика – заклинание перехода из мира лопухоидов в мир магов. Действует в одной точке над островом Буяном.

Ливодис-курекус – снимает куриный сглаз.

Линузус очкустус – заклинание невидимости, слабенькое и довольно бестолковое. Не распространяется на волосы и одежду.

Зажималлус втюрис – «обнимальное» заклинание. Без комментариев.

Панидис паленус – не всегда же зажигать огонь с помощью спичек?

Трыгус шипелус – гасит пламя.

Хап-цап – перемещение предметов на малые и средние расстояния. Без особой необходимости не использовать. Не исключено, что перенесенный предмет окажется разбитым вдребезги.

Квасис грасис отыскатис – отыскивающее заклинание.

Голодронус голодрыгус – вызывает острое чувство голода.

Чукара курачукара – «заклинание зубрил». Полезно при подготовке уроков. На экзаменах и контрольных

блокируется преподавателями (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Бантикус трибантикус – простенькое заклинание лентяев. Завязывает шнурки. Внимание! Если шнурков на обуви не окажется, будут завязаны пальцы ног!

Чистус трубачистус – еще одно заклинание лентяев. Умывание и чистка зубов. При наличии во рту жвачки возможен взрыв.

Бумазейкус выползанус – для дистанционного перемещения бумажек.

Пробкис вырубонис – «уходя, гасите свет».

Фурыллис эббус труфус бонирайис аппедицитус болотомус – роковой сглаз (сокращенная форма).

Дуллис нуллис – контрзаклинание при наложении рокового сглаза (только в течение пяти минут после наложения сглаза).

Гряллиум пуллиум – заклинание хаоса (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Капут тынетут – заклинание, отделяющее душу от тела (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Гыгли-мыгли-карадыгли – наложение сглаза (черномагическое средней силы).

Фебрытбь – «антиикательная» магия.

Штушус коротышус – от рези в животе.

Кызютбампль шуму – от «лягушачьего» сглаза (применить не позже первого позеленения!).

Мотис-ботис-обормотис – против болотных хмырей. На другие виды нежити не действует.

Ноуменус кантус выпулялис – заклинание высвобождения магической сущности.

Разрази громус – смертельная клятва.

Актус кляузник макакис прерывонум забиякис – блокирующее заклинание Графина Калиострова.

Шлепкус всмяткус капиталис – заклинание размазывания по стене.

Парус спускалус – успокаивающее заклинание.

Атлантинус-волхвонис – заклинание пробуждения атлантов.

Сводус атлетус анаболикум – второе заклинание атлантов.

Буйнус палатис – для оживления скамьи (бешеное родео).

Кондовус руализмус – отменяющее заклинание (бешеное родео).

Цапус-застукалус – призывное заклинание проф. Клоппа.

Вспышкус гробулис – смертельный аналог Искрис фронтис ! Используется темными магами.

Отрезвонум нормаликус! – отрезвляющее заклинание.

Маньякус пришивакус магфиозо якудзякус! – заклинание вызова магфиозных купидончиков.

Своякис маякис! – заклинание, чтобы посторонние не совали нос в твою записную книжку.

Пихалус экзаменостис! – экзаменационное заклинание. Обладает неприятными побочными действиями.

Кофейникус возбуждалус – предэкзаменационное заклинание.

Трынтравонис пофигатор – расслабляющее заклинание.

Фердыщус малокровус – заклинание против вампиров.

Рукли-букли-симпапукли – симпатяжное заклинание (+ тройной нормукли), усиленная форма.

Дистрофикус физкультурус! – заклинание силы.

Гумползит транзитум ваэреньо – паучий сглаз.

Быгус-гмыгус-тарагмыгус – «червяковое» заклинание малютки Клоппика.

Максимус гигантус – увеличивающее заклинание.

Нормус площидус однорылос – заклинание расширения пространства – пятое измерение.

Мизур лилипутос – уменьшающее заклинание.

Кувалдус отбрыкус– «дубиночное» заклинание малютки Клоппика.

Темпора моралес – пространственное заклинание.

Настройщикус криворукус – усмирение музыкальных инструментов.

Шмыгус сморкатис – заклинание вечного насморка малютки Клоппика.

Киякус каракатис ! – стулопрыгательное заклинание малютки Клоппика.

Атыс-батыс-крутипедалис ! – двигательное заклинание.

Прыгулис-дрожалис – обогревательное заклинание.

Гопус-стопус – удерживающее заклинание.

Ушкус намакушкус! – заклинание против подслушивания.

Меняус неодурачус! – «магический» взгляд; проверка на присутствие магии.

Дымус коромыслус! – заклинание магического дыма.

Дальнозоркис лупоглазус! – магический взгляд.

Воркалакус эндус черногорил – заклинание против оборотней.

Аидус лета харонум танталум – заклинание вызова (ЧдТ).

Кофеусрастворимус; Чифирюс – заклинания утреннего пробуждения Древнир.

Идиос нафигус – нейтрализующее заклинание Шурасика.

Спасибус не булькус сменяюус пузырюс – формула общей благодарности.

Гломус вломус – стиль чугунного кулака с Гуня Гломов.

Ничегоус невечнус – заклинание быстрой смерти.

Кофеус эспрессо, Взбодреус виагрис, Жабскобс неткофе – возбуждающие заклинания.

Баста шмыглос – блокировка хмыриной щелис Жора Жикин.

Какновус – ремонтное заклинание с Жора Жикин.

Глушилос динамитос – заклинание против водной нежити Гуня Гломов.

Обретайсиммо – заклинание обретения «своих» магических предметов.

Язвус гастритус – заклинание гурманов.

Матросиус – заклинание вызова корабля сна с «Книга Рока».

Ораторис демагогис – заклинание многоболтательных магвокатов с «Книга Рока».

Законус подлостус! – заклинание вредности с Прун.

Аммиакус нашатырюс – заклинание приведения в чувство с Гробыня Склепова.

Омонус всемлежатус – боевое заклинание принудительного открывания дверей Графин Калиостров.

Пошли вонус – заклинание, загоняющее волшебные книги в клетку с Сарданапал Черноморов.

Ферроковалис, Канцлевариус трансформацио – заклинание превращения решетки с Баб-Ягун.

Тигранум эрхарт футц – заклинание, уничтожающее все магические ловушки и все построенные магией здания, если при постройке для защиты здания в фундамент не был заложен какой-либо магический артефакт. Кроме того, все магические ловушки могут быть сняты слезами единорога или капельками росы, собранными у него с боков.

Абордажис экз заолис преол гег орз! – заклинание глобального уничтожения. Каждая гласная в заклинании долгая. При большой концентрации энергии в перстне может уничтожить даже магический город. Главное условие: применяющий его маг не должен есть и пить полгода до его произнесения, кроме того, он должен отрубить себе правую руку и правую ногу. По этой причине заклинание использовалось исключительно редко.

Геронисcум эрлих феррот либерус Дубодамум – заклинание освобождения из Дубодама.

Аморфус телепорцио – заклинание телепортации.

Сезаммо распахнулло – заклинание, открывающее двери.

Фосфорецелло – осветительное заклинание.

Адольфус бумерангум – заклинание возвращающегося башмака.

Минимус мизерум – заклинание компактности.

Ораторис демагогус – заклинание многоречия Баб-Ягун.

Антиллум древнидис! – заклинание поиска секретных ходов, Феофил Гроттер.

Пращус катапультус! – катапультирующее заклинание.

Мортаниус! – заклинание против мертвяков.

Полетные

Торопыгус угорелус – самое стремительное и опасное. Охотно используется магами, которым не терпится переселиться в Потусторонний Мир, и игроками в драконбол.

Тикалус плетутс – среднее по скорости и самое распространенное.

Пилотус камикадзис – медленное, но наиболее грузоподъемное. В равной степени подходит для слонов и недотеп.

Ойойойс шмякис брякис – подстраховочное.

Чебурыхнус парашютис – тормозящее.

Чебурыхнус парашютис форте – ускоренное тормозящее для экстренной посадки. При применении в неэкстренных случаях бывает опаснее экстренной посадки. В общем, мораль такая, что паника вредна.

«Заговоренный пас»

Гуллис-дуллис – Цап-царапс (блок.).

Труллис-запуллис – Леос-зафиндилеос (блок.).

Фигус-зацапус – Щупс-курощупс (блок.).

Призовые очки в драконболе

Пламягасительный мяч – 3

Одурительный – 1

Перцовый – 5

Чихательный – 2

Обездвиживающий – 10

Сборная мира

Рамапапа

Замерзайло

Энтроациокуль

Умрюк-паша

Эразм Дрейфус

Фофан Бок

Лизхен Херц

Дон Жульен

Маланья Нефертити

Клопперд Блох

Команда Магфорда

Глинт

Адмирал Жульсон

О-Фея-Ли-Я

Шейх Спиря

Эмилио Тобуш

Таня Гроттер

джинн Фарух

Кэрилин Курло

Нутто-Гнутто

Гурий Пуппер

Катя Лоткова

Глава 1

ЯЩИК ДЛЯ ТЕЛЕПОРТАЦИИ АРТЕФА КТОВ

Июнь подходил к концу. Это было не слишком изобретательно, но ничего более оригинального, кроме как подходить к концу, июнь все равно придумать не мог. Его фантазия ограничивалась исключительно его возможностями. Правда, существовало одно «но». Последние числа истекающего месяца обещали запомниться надолго. Начиная с двадцать второго в расписании стояли сразу шесть экзаменов: ветеринарная магия, основы белой (у части курса – темной) магии, теоретическая магия, практика сглаза, нежитеведение и история магии.

Экзамены были введены по личному распоряжению Сарданапала. Академик посчитал, что выпускник Тибидохса не может ограничиться одним тестом Теофедулия.

Преподаватели не собирались делать никому послаблений. Будто и не они недавно вернулись из небытия после истории с колодцем Посейдона. Каждый выражал свое отношение в собственной манере. Великая Зуби посмеивалась и куталась в плед. Она имела свойство мерзнуть даже летом. Тарарах пожимал плечами и бурчал, что как ни

крути, а магических зверей лечить надо. «Ежели не то ему, миляге, дашь, так он и не туда копыта откинет», – заканчивал он сурово, что доказывало его решимость серьезно подойти к экзамену.

Медузия же вообще воздерживалась от каких-либо прогнозов, лишь уронила вскользь, что ее экзамен сдадут все. «Все, кто выживет», – уточнила она после всеобщего облегченного вздоха. Затем она вручила Готфриду Бульонскому таинственный черный чемодан, окованный снаружи стальными полосами с рунами, и отправила его в таинственную командировку. Готфрид вернулся через два дня поздно вечером. Его случайно видел Кузя Тузиков, потом утверждавший, что Бульонский был белый как бумага, шатался и прижимал к груди чемодан. Стальные полосы чемодана, по словам Тузикова, были прогнуты внутрь, и вообще чемодан выглядел так, будто на нем посидели Дубыня, Усыня и Горыня. Вначале по очереди, а затем и все вместе.

Впечатленный Тузиков примчался в гостиную, давно уже ставшую общей, ибо невозможно всерьез сидеть по разным углам на том только основании, что у кого-то искры красные, а у кого-то зеленые, и мигом выложил все, что видел.

– Если в чемодане то, что я думаю, то я не думаю, что Медузия хорошо подумала, когда думала, как ей разнообразить наш последний экзамен. Вот как думается мне! – авторитетно заметил Шурасик.

– Почему последний? Последний же история магии? – удивился Жора Жикин.

– Говоря последний, я имел в виду «последний в твоей жизни». Я-то уж как-нибудь сдам, – уточнил Шурасик и утешающе похлопал тибидохского красавчика по посеревшей щечке.

– Мертвые, живые, какая разница! От моего экзамена ничто не освобождает! Я вас и на том свете достану, хе-хе! – дружелюбно позванивая кандалами, предупредил Безглазый Ужас. Он выглянул из стены, подобрал скатившуюся с плеч голову, закапал ковер кровью и удалился, как весны моей златые дни.

– Свинтусы неблагодарные эти преподы! Нет чтоб экзамены вообще отменить! И зачем я их спасала, этих уродов? Зачем старалась, зачем мы с Ванечкой нервы себе портили? А?! Ну что молчите, струсили? Сказать нечего? – с надрывом произнесла Лиза Зализина.

В воздухе неуловимо распространились флюиды тетушки истерики. Огонь в печи позеленел от досады, зачадил и погас.

– Лизон! Недооцененная ты наша! Держи себя в руках! Отойди в уголок и мучайся в тряпочку! – отрезала Склепова.

На другой день за обедом в Зале Двух Стихий развоевался Поклеп.

– И правильно! Выпускник Тибидохса – это не висельник какой-нибудь! Это звучит гордо! Тибидохс всегда Тибидохсом был и всегда им останется. Сейчас школ магии развелось столько, что хмырями не закидаешь! На Лысой Горе как дождик пройдет, один-два новых магверситета вырастают. Была столовка для мертвяков – хлоп! – высшая школа магменеджмента! Был сарай, где три ведуна от мухоморов глюки ловили, – магверситет народной медицины! – рассуждал он.

Затем он потер ручки и громко, но ни к кому не обращаясь, добавил:

– Тест-то еще туда-сюда, исхитриться можно… Тьфу, листик бумажки! А вот посмотрим, какие вы будете умные, когда личиком к личику, фэйсик, так сказать, к фэйсику… Да без билетов! То есть билет-то будет, конечно, но после пары фразочек отвечающего прерывают и начинается произвольная дружелюбная беседа по материалам всего курса! Это знаешь? Умничка. А это? А это? О, сбиваемся? Попрошу осветить эту тему подробнее! Носик к носику, рожица к рожице, глазки в глазки!

Это «глазки в глазки» он произнес с таким предвкушением, так вкрадчиво, что всем стало не по себе, а Верка Попугаева упала в обморок. Правда, быстро очнулась и даже успела подслушать парочку разговоров, не имевших к ней никакого отношения. Впрочем, такая уж была врожденная магия Попугаевой. Ни стены, ни расстояние не были для нее преградой. Разве что заклинания да особые защитные руны способны были немного ограничить ее здоровую любознательность.

Из-за кошмарных экзаменов и необходимости готовиться к ним дни стали такими бесконечными, что подозрительный Шурасик даже бегал по школе с особым амулетом и проверял, не использовал ли кто из преподов заклинание растяжения времени. Амулет ничего не зафиксировал, однако подозрения Шурасика окончательно не рассеялись.

В эти же дни Шурасик ухитрился поссориться с Ленкой Свеколт из-за формулы суммарного выражения темной магии, которую Свеколт, по его мнению, выводила неправильно, делая ошибку в девяносто втором по счету неизвестном. Со всяким другим человеком поссориться по такому туманному поводу, конечно же, невозможно, однако Ленка Свеколт была из того же теста, что и Шурасик. Они расплевались, по ходу дела испепелив случившийся поблизости стул.

Именно поэтому настроение у Шурасика было скверное. У него все валилось из рук, и он то и дело ворчал:

– Женщина – это пародия на мужчину. Крайне неудачная. Изделие из ребра, глупое как пробка!

– Шурасик, утихни! – сказала Катя Лоткова, оказавшаяся случайно рядом.

– Лоткова! Объясняю тебе предельно просто и даже с понятными девушкам примерами. Женщина не обладает достаточным объемом мозга для принятия жизненно важных решений. Телеграфирую губами: не обладает. Поэтому она не должна лезть в высшую магию формул, а тихо варить бульончик из трав, помешивая его ложкой! А теперь иди и обдумай то, что я тебе сказал! – сердито ответил Шурасик.

Катя хмыкнула. На Шурасиков не обижаются. Шурасики существуют в собственном мире, который связан с остальным миром разве что крошечным окошком в кирпичной стене.

– Шурасик, кажется, ты только что связал веник и этим очень огорчил свою фирму, – сказала Катя и ушла.

– Свеколт и Шурасик поругались? Ну-ну. Я всегда был уверен, что разные люди могут уживаться вместе, а одинаковые нет. Вот вам живое подтверждение. Правда, они все равно помирятся, хотя бы для того, чтобы разругаться вконец, – заметил по этому поводу Баб-Ягун.

* * *

Поздно вечером Таня возвращалась из читального зала, где вместе с Баб-Ягуном готовилась к ветеринарной магии. Ванька, сидевший за соседним столом с учебником по снятию сглаза, лишь посмеивался и жевал соломинку. Сегодня с утра он лично помог питекантропу отловить в лесу три десятка гарпий, которых надо было вылечить от ожирения и сварливости. В заключение же обязательной программы, что было совсем небезопасно, экзаменующимся предстояло подстричь гарпиям когти.

Поднимаясь по лестнице Большой Башни, Таня услышала снаружи какой-то шум и выглянула в ближайшую бойницу.

На мощеном дворе она увидела Склепову, или, как Таня называла ее в последнее время, Склепшу. Склепова учила Горыню и Дубыню азбуке глухонемых. Усыня, самый тупой из троих, вообще не врубался, в чем дело. Он сидел рядом на земле, кусал ус и завидовал более сообразительным братьям. Потом встал, взял дубинку и молча врезал Дубыне по лбу. Дубыня не остался в долгу, и дело

завершилось грандиозной потасовкой, в которой, кроме богатырей, пострадала и одна из небольших башенок Тибидохса.

Склепова, предусмотрительно отбежавшая на полсотни метров, терпеливо стояла и ждала, пока Усыня, Горыня и Дубыня утихомирятся, чтобы продолжить обучение. Согласно замыслу Гробыни, богатыри во время экзамена должны были стоять на ближайшем холме и подсказывать ей, используя азбуку глухонемых. Великанам же в свою очередь должен был суфлировать одолженный у Грызианы Припятской на недельку гном-переводчик. Этого гнома Гробыня переименовала вначале в полиглота, затем в полиноса, потом и это ей не понравилось, и она называла его не иначе как Полироль Политурович.

Великаний телеграф как способ подсказки был, разумеется, крайне ненадежен. Склепова надеялась на него больше как на отвлекающий маневр. Неуклюжие богатыри наверняка наступят на Полироль Политурыча, а затем подерутся, споря, кто это сделал. Зато пока преподы будут их успокаивать, можно ухитриться сунуть за щеку жвачку, а предварительно на жвачке нацарапать руну красноречия.

Отойдя от бойницы, Таня продолжала подниматься. Неожиданно из сумрака ниши навстречу ей кто-то шагнул и замер у нее на пути. Таня отшатнулась.

– Татиана, а Татиана! Можно тебя на минуту? – спросил кто-то.

Таня узнала Шурасика. Ей стало досадно, что она испугалась.

– Всего на минуту? А ты успеешь? – машинально переспросила она и тотчас прикусила язычок. Бли.н! Это ж надо так огробыниться! С кем поведешься, от того и блох нахватаешься.

Глаза под очками-лупами укоризненно моргнули. «Вот уж деловая колбаса, которой пришла пора колбаситься!» – подумала Таня с раздражением.

– Дай мне взглянуть на твой перстень! – потребовал Шурасик.

– Зачем? Он слушается только меня. Ты все равно не сможешь извлечь из него магию.

– Я и не собираюсь.

Пожав плечами, Таня с некоторым усилием скрутила с пальца перстень и протянула его Шурасику.

Шурасик молча взял перстень Феофила Гроттера, повернулся к Тане спиной и куда-то решительно пошел. Таня удивленно побежала следом, ощущая себя не то бобиком, которому надо бежать за хозяином, не то автомобилистом, у которого гаишник отнял права и теперь невесть зачем идет с ними на середину перекрестка. Без перстня она была абсолютно беззащитна. Даже Искрисом фронтисом не смогла бы запустить, если бы потребовалось.

Как оказалось, Шурасик направлялся к бойнице. Подойдя к ней, он зачем-то посмотрел сквозь перстень на луну.

– Ага… Лунный диск меняет цвет… Так я и думал… Вопросов больше не имею, – пробурчал он и вернул перстень Тане.

– В чем дело? При чем тут луна? – с беспокойством спросила Таня.

Шурасик ничего не ответил. Он таинственно порылся в кармане, что-то извлек из него и показал Тане. Блеснуло серебро.

– Знаешь, что это такое?

– Чайная ложка? – спросила Таня с некоторым сомнением. Слишком уж очевиден был ответ.

Шурасик посмотрел на Таню взглядом практикующего психиатра, которому пациент сообщил, что по носу у него маршируют зеленые слоники.

– Формально говоря: да. Это действительно чайная ложка. Не удивлюсь, если кто-то когда-то даже пытался размешивать ею сахар. Не к ночи его помянуть, а ко дню!

– И что же это такое?

– Да так, артефактик один простенький из коллекции профессора Клоппа… Отлит темным магом Гумбольтом Фортунатом в XVI веке. Возьми ее в рот и подержи секунд пять.

– Я не отравлюсь?

– Нет. Эта ложка нейтрализует яды, если они есть. Зато если ядов по какой-то причине нет, то травит сама. Кроме того, она снимает необратимые сглазы. Опять же – если сглазов нет, ложка сглаживает сама. Такая вот прививка от мнительности.

– Я что, тебе совсем надоела? Хочешь, чтобы она меня сглазила? – возмутилась Таня.

– Ты и так сглажена, Татиана! Причем капитально! – сказал Шурасик хладнокровно. – В общем, хочешь верить – верь. Нет – спокойной ночи! Раз в жизни решил сделать доброе дело – и что, на коленях теперь тебя упрашивать?

Таня пристально посмотрела на Шурасика и, поняв, что он не шутит, вздохнула:

– Ладно, давай сюда свою ложку.

Едва она сунула ее в рот, ложка сильно разогрелась и обожгла ей язык. Тане показалось, что во рту у нее бурлит раскаленная лава. Она рванулась, пытаясь выплюнуть или вытащить ложку, но Шурасик притиснул ее к стене и схватил ложку за черенок.

Таня попыталась оттолкнуть его, но Шурасик был

сильнее.

– А-а-а! – завопила она, пытаясь пнуть его.

– Терпи, терпи! Еще немного! По-другому все равно нельзя! – крикнул Шурасик. – Три… четыре… пять! Все, можешь доставать!

Шурасик отпустил Таню и предусмотрительно отступил на шаг. Таня выхватила изо рта ложку и хотела швырнуть ее, но внезапно заметила, что блестящая ложка потемнела и на ней отпечаталось нечто вроде саламандры. Черное выжженное пятно копоти.

– Магия довольно серьезная. С тобой не церемонятся! Дня через три ты стала бы страшной, как обезьяна! Причем необратимо. Хотя, на мой взгляд, обезьяны вполне симпатичны, – сказал Шурасик.

– Откуда ты знаешь? Как ты вообще узнал, что я кем-то сглажена? – спросила Таня.

Шурасик издал звук: нечто между «хы» и «хэу», но уж точно не «хю».

– Я это понял в библиотеке. Между тобой и мной пролетел джинн Абдулла. А он же прозрачный, не так ли? В общем, когда смотришь на человека через джинна, многое становится ясно. Разумеется, если знаешь, как именно смотреть. Я заметил в твоей ауре глубокую трещину. Кто-то пробил твою естественную защиту, чтобы воздействовать на тебя. Это меня и насторожило, – заявил он авторитетно.

– А кто меня сглазил, знаешь? – спросила Таня.

– Не-а, – сказал Шурасик. – Ведь магия – штука довольно зыбкая. Точнее всего диагноз о характере сглаза можно поставить только после вскрытия и гадания на внутренностях. Разумеется, опыт вскрытий у меня совсем небольшой, можно сказать, его совсем нет, но если хочешь, я позову Ленку Свеколт или Аббатикову? Ты как, все еще желаешь узнать?

Таня поежилась. Ей стало не по себе. Она еще раз посмотрела на артефакт с отпечатавшейся мертвой саламандрой.

– Я пас. Узнаю как-нибудь в другой раз, – сказала она.

– Ну как хочешь. Мое дело предложить! – улыбнулся Шурасик и убрал ложечку.

– Спасибо за помощь!.. Я… ну, в общем, правда, большое тебе спасибо! – проговорила Таня.

– Не за что! Спокойной ночи, Татиана! И того… будь осторожна. Убить тебя, конечно, не пытались, но все равно не нравится мне этот сглаз… Ох как не нравится!.. Его не чайник наложил, можешь мне поверить! В твою ауру точно шильце всадили – аккуратненько так!.. – с сочувствием сказал Шурасик. Он сделал шаг в сторону, запахнулся в плащ и неторопливо растаял в воздухе.

«Славный он… Только ужасно нелепый! Если б он не держался еще все время с такой важностью! – подумала Таня. – И хотела бы я все-таки знать, кто меня сглазил! Я бы ему сделала замечание двойным фронтисом !»

– Ignoscito saepe alteri, nunquam tibi! [1 - Другим прощай часто – себе никогда (лат.). Публий Сир, «Сентенции».] – укоризненно произнес перстень Феофила Гроттера, имевший привычку подзеркаливать ее мысли.

– Ничего себе советик! Можно подумать, не про тебя говорили, что ты сглазил двенадцать орловских ведьм на шабаше, – напомнила ему Таня.

– Сплетни, матушка, сплетни! Что было, то быльем поросло, – проворчал перстень уже по-русски.

Однако проворчал неуверенно, без внутренней убежденности и задора, которые одни и являются спутниками настоящей правды.

* * *

Добравшись до Жилого Этажа, Таня направилась в свою комнату. Она так устала, что ей хотелось одного: завалиться в кровать и отключиться, не думая ни об экзаменах, ни о странном сглазе. Язык, обожженный магической ложкой мага Гумбольта Фортуната, ныл. Таня ощущала металлический привкус. Крови? Ожога? Ложки? Этого она не понимала и только постоянно вызывала слюну, чтобы она уменьшила боль.

Таня пересекала гостиную, когда неожиданно ощутила, что на нее смотрят. Когда ты проходишь через помещение, где полно народу, в принципе нет ничего

удивительного, что кто-то на тебя взглянул. Это естественно, как зимний насморк или сон в летнюю ночь. Но этот взгляд был особенным. Острым, испытующим и, пожалуй, проверяющим. Это был взгляд недоброжелательного человека, которому что-то нужно и который знает куда больше, чем ему стоит знать. Таня ощутила его не на бытовом даже, а на магическом уровне. Еще час назад, до истории со сглазом, Таня не обратила бы на это особого внимания, в конце концов, не факт, что все обязаны быть от тебя без ума, но сейчас сама ситуация вынуждала ее быть внимательнее.

Таня резко обернулась к длинному дивану, стоявшему напротив входа. Она ощутила, что взгляд был устремлен на нее именно оттуда.

На диване сидели шестеро.

– А, Гроттерша! – сладко запела Лиза Зализина. – Сладкая наша Танечка! Ути-пусеньки! Всю кровь из Ванечки выпила, вампирочка наша ненасытная? Вкусная кровушка?

«Она? Нет, едва ли! Зализиной стоит меня увидеть, как она сразу визжать начинает. А здесь она лишь сейчас завизжала… Значит, только что заметила!» – подумала Таня.

Пристроившийся поодаль Глеб Бейбарсов что-то рисовал на куске плотного картона, со свойственной ему таинственностью повернув картон так, что никто не мог заглянуть. Заметив Таню, он как бы невзначай прижал картон к груди и стал задумчиво грызть карандаш. Его бархатные глаза скользили по Таниному лицу, точно стараясь запомнить каждую черту.

– Так вот… Я продолжаю… – громко, чтобы слышали все, обратился к Бейбарсову сидевший рядом Жора Жикин. – Есть у меня знакомая девчонка-лопухоид. Красавица, модель. Во всех газетах реклама крема с ее фото! Ноги, кожа – все чудо. Разумеется, влюблена в меня по уши. И вот сегодня она вновь посмотрела на меня из мусорного пакета укоряющим взором. Грустно, когда в твою фотографию заворачивают селедку. Вот она, обратная сторона известности!

– Зачем же ты в ее фото селедку заворачиваешь, а, Жорик? – спросил Бейбарсов.

Он отвечал Жикину лениво, неохотно, и, чувствуя это, Жора заводился, размахивал руками, повышал голос и выглядел особенно глупо. Голос у него начинал звучать пискляво, чего Жикин не замечал.

– Да у меня таких как грязи! Стану я газетки хранить! Ко мне купидоны летают косяками! Знаешь, сколько раз я целовался? Три тысячи девятьсот тридцать! А телефонов мне знаешь сколько надавали? Четыреста восемь штук, недавно вот считал, – заявил он.

Бейбарсов посмотрел на Жикина взглядом натуралиста, который встретил в лесу интересное редкое насекомое.

– Сочувствую тебе, бедолаге, – небрежно сказал Бейбарсов. – Чай, ступить в комнате некуда – везде одни ворованные мобилки валяются.

Жикин машинально закивал было, но внезапно сообразил, что над ним издеваются, и замолк. Таня почувствовала, что Глеб умнее Жикина раз в двести. Уж этот-то не будет хвастать своими успехами. Из него тайну клещами не вытянешь. Что уж тайну! Он даже картин своих никому не показывает.

«Этих двоих тоже отбрасываем… Нет, это был взгляд не Бейбарсова и не Жикина уж точно… Тогда чей?» – думала Таня.

Кузя Тузиков безнадежно писал на рулоне туалетной бумаги бесконечную шпаргалку по нежитеведению. Метров десять было уже исписано. Столько же еще примерно оставалось. Туалетная бумага все время рвалась, и Тузиков удрученно вздыхал.

Ленка Свеколт идиллически – даже слишком идиллически – заплетала свои разноцветные косы. Казалось, больше ничего во вселенной для нее попросту не существует. По ее лицу разливалось медленное, засыпающее вечернее блаженство.

Сидевшая с ней рядом Жанна Аббатикова уставилась в толстую книгу по некромагии. Книга была явно запрещенной, но юные некромаги читали все подряд, мало обращая внимания на существовавшие в школе табу. На обложке был изображен человек с содранной кожей – столь малосимпатичный, что даже бывалого патологоанатома стошнило бы, увидь он у себя на столе такой

экземплярчик. Однако в данном случае жуткий человек был даже не на столе. Он сидел, закинув ногу на ногу, и покуривал трубку, выпуская клубы пахучего дыма.

Так и не поняв, кому принадлежал тот странный взгляд, Таня проследовала дальше, в комнату. Внезапно острые зубы прозрения вгрызлись ей в сердце. Жуткий человек на обложке сидел головой вниз, и буквы латинского заглавия были перевернуты. А это могло означать лишь одно: Аббатикова и не думала читать и схватила книгу лишь для того, чтобы отгородиться от нее, Тани.

«Зачем?» – подумала Таня, толкая дверь.

* * *

Пипа, сидя на кровати и высунув от усердия язык, была занята крайне интеллектуальным делом. Пыталась передать sms-ку через зудильник, к которому проволокой был прикручен сотовый телефон, не принимавший, разумеется, здесь, в Тибидохсе. Sms-ка пока не передавалась, но дочка дяди Германа не унывала. Она утверждала, что с ней подобным образом уже связывались два каких-то гормонально контуженных ведьмака с Лысой Горы и передавали на телефон какую-то муть.

– Только, кажется, они делали это не через проволоку, а гробовым гвоздем! – добавляла Пипа с сомнением и тотчас, утешая себя, вспоминала, что Генка Бульонов вон тоже посылает из Тибидохса sms-ки, правда, вместо гробового гвоздя использует щепку от Ноева ковчега, которую выпросил у малютки Клоппика.

«А если это Пипенция или Гробыня пытались меня сглазить? – подумала Таня. – Хотя нет, не верю. Гробыне это вроде как и не нужно, а Пипенция… не-а, у этой магия такого рода, что это был бы не штопорный сглаз, а штопорный сглаз, выполненный танковой колонной в условиях крупномасштабных боевых действий».

Почти сразу вслед за Таней в комнату ввалилась Склепова, порядком раздраженная бестолковостью Усыни, Горыни и Дубыни. Гном Полироль Политурович, свесив ноги, сидел у нее на плече и, осоловев от духоты, зевал.

Похоже было, что гному надоело все на свете и более всего ему надоел он сам.

Гробыня за шкирку бесцеремонно стащила Полироля Политуровича с плеча и, небрежно швырнув в ящик письменного стола, захлопнула его внутри.

– Спокойной ночи, любимый! – проворковала она нежно.

Почти сразу из ящика донесся храп. Философски настроенный гном не терял времени даром.

Не снимая обуви, Склепова картинно рухнула на кровать и принялась жалобно стенать, называя себя старым больным человеком, у которого нет сил:

– Я несчастная, всеми покинутая женщина, которую никто не любит! У меня нету ни мужа, ни денег, ни кошечки, ни собачки! Я живу в одной комнате с двумя ослицами, которые мне надоели еще в раннем младенчестве! Пристрелите меня, чтобы я не мучилась! – молила она.

Пипа, которой стенания Гробыни мешали отсылать sms-ки, потянулась к старинному мушкету, который не так давно подарил ей ее робкий поклонник Генка Бульонов.

– Ну раз ты так просишь! – сказала она решительно.

Гробыня, желание которой оказалось столь близким к исполнению, сразу дала задний ход и заявила, что она, пожалуй, еще чуток помучается. Демонстрируя свое желание не жить, а мучиться, она взяла журнальчик «Сплетни и бредни» и принялась отгадывать кроссворд.

– Расставание с друзьями или любимым… – поинтересовалась она через некоторое время.

– Разлука.

– Сколько букв в слове «разлука»?

– С утра было семь.

– Третья «з»?

– Угум.

– Опаньки! Готово. Кроссворд разгадан.

Склепова сделала движение рукой. Журнальчик «Сплетни и бредни» вспыхнул и обратился в пепел.

– Вот именно – разлука. Именно это ждет нас всех через месяц-другой. Конечно, кое-кто останется в магспирантуре, но остальные – фьють! – назидательно сказала Гробыня.

Она слезла с кровати и, встав напротив Пажа, принялась грустно смотреть в пустые глазницы Дырь Тонианно.

– А ты остаешься? – спросила Пипа.

Склепова замотала головой.

– Не-а. Кому я тут нужна, в этой дыре? Здесь умных и красивых не ценят. Грызианка предлагает мне стать соведущей в телешоу «Встречи со знаменитыми покойниками».

– Ух ты! А кто будет другим соведущим? Грызианка?

– Нет. Веня Вий. Он недавно опять поубивал всю свою команду, и теперь программа испытывает творческий кризис.

– И ты не боишься Вия?

– Я боюсь какого-то там Вия? – возмутилась Гробыня. – Да он у меня по струнке будет ходить. Я его научу, как нужно обращаться с молодыми талантливыми кадрами! И пусть только попробует веки когда не надо поднять! Поднимешь веки – протянешь ноги!

И, хотя Гробыня по своему обыкновению все преувеличивала, Тане показалось, что так оно и будет. Во всяком случае, в общих чертах.

– Ну, с тобой, Танька, все ясно! – продолжала Склепова. – Ты сдашь экзамены и отправишься в Магфорд играть в драконбол и лишать покоя бедного Пупочку. Если его добрая тетя не подбросит тебе в чай отравленный копирайт, ты после вернешься в Тибидохс и будешь учиться в магспирантуре. А ты, Пипенция? Что там у тебя на фронте личных планов?

– Здравствуйте, я ваша тетя! Да мне еще в Тибидохсе пару лет учиться, так что я никуда отсюда не денусь… – заявила дочка дяди Германа.

Она взглянула на экран телефона и заорала:

– Получилось! Я знала, что получится! Sms-ка от Бульона! Смотри, Склеп!

Гробыня заглянула ей через плечо.

–<В> «Жду тебя завтра в 19-00 в Зале Двух Стихий. Если тебя не будет до 20-00, то имей в виду, не позже 21-00 я ухожу. ГБ», – прочитала она вслух. – Хм… ничего себе инициальчики у твоего молчела! Просто мама не горюй! Хотя Танькины Гу-Пу и Ва-Ва, конечно, не лучше. А уж Гле-Бэээ тем более.

Таня хотела уточнить, кто такой Гле-Бэээ, которого Склепова ей сватает, но решила, что умнее будет промолчать, тем более что Гробыня посматривала на нее с большим задором. Таня бы все-таки не выдержала и поинтересовалась, но, к счастью, ее выручила Пипа, пребывавшая в эйфории.

– Вылитый мой папочка! Такой же наивно-бестолковый и одновременно хваткий! Я своего Супчика Бульоныча просто обожаю! По деньгам, конечно, не Пуппер, зато ростом на полметра выше. Вещи со шкафа можно будет без табуретки доставать. В метро опять же не потеряется. Очень удобно в семейной жизни.

– На кого батон крошишь, Пипенция? Не в метрах счастье! – обиженно вступилась за Гурия Таня.

– Ну, у кого метров нет, для того и не в метрах! – парировала Пипа. Она погрозила Тане пальцем и сурово сказала: – А ты сиди и не вякай! Я тебя насквозь вижу, Гроттерша!

– И чего там? – спросила Таня с беспокойством.

– Да ничего интересного. Внутренности одни… – отмахнулась Пипа и, придвинув к себе зудильник с прикрученным к нему телефоном, вплотную занялась sms-ками.

* * *

Таня собиралась уже лечь, когда внезапно в дверь забарабанили и одновременно с вопросом «Можно?» в комнату ворвался Баб-Ягун.

– На случай, если кто-нибудь уже разделся, я закрыл глаза! – предупредил он.

С подозрительной для человека с закрытыми глазами ловкостью Ягун нашарил стул, сел на него и закинул ногу на ногу.

– Считаю до пяти тысяч и открываю! – предупредил он. – Одна тысяча… две тысячи… три тысячи…

– Открывай сразу! Все равно же подглядываешь! – отмахнулась Склепова и, сорвав с плеч Пажа мушкетерский плащ, завернулась в него.

– Ладно, – сказал Ягун. – Я к Таньке… Хотя мы только что виделись и все такое… Но мамочка моя бабуся! Танька, у меня для тебя посылка! Или не посылка… В общем, даже не знаю, как это назвать. Сама смотри.

Ягун пошарил в кармане и передал Тане плотный, упакованный в бумагу сверток. Сверток был маленький, не больше завернутого в бумагу спичечного коробка. Форму он имел такую же. Мелкие буквы на свертке сообщали:

Для Т.Гр.

Открыть лично.

Защищено проклятием

Судя по небольшой серебристой искре, пробегавшей по опоясывающей сверток нитке, предупреждение о проклятии не было блефом.

– Кто тебе это передал? – спросила Таня, разглядывая сверток и медля его открывать.

Интуиция, обычно верно подсказывавшая ей, чего ждать: хорошего или дурного, на этот раз осторожно помалкивала.

– Да, в общем, никто, – уклончиво отвечал Ягун.

– Подбросили?

– Нет, не подбрасывали. Получается, эта штука была у меня все время. Уже много месяцев, – сказал Ягун виновато.

– Почему ты мне ее раньше не отдал? – возмутилась Таня.

– Потому что сам не знал. Я в душе честный! Жадный только на пылесосы, причем не на какие попало! – сообщил Ягун не без гордости. – Нужны подробности? Минутку терпения, вагон понимания – сейчас будут!

Он выглянул в коридор и торжественно внес узкий лакированный ящик с серебристой монограммой на крышке.

– Узнаешь красавца? Разве не ты мне его на день рождения подарила? – поинтересовался он у Гробыни.

Склепова без всякой радости посмотрела на ящик,

промычала что-то и отвернулась. Таня ощутила, что Гробыня смущена.

– Так вот, уточняю: посылочка была внутри! – продолжал Ягун. – Теперь я отключаю звук и сдаю свое красноречие на профилактику. Все прочие вопросы к моему адвокату!

Он ткнул пальцем в Гробыню и с явным удовольствием стал раскачиваться на стуле, изредка озабоченно посматривая вниз и прислушиваясь к скрипу его ножек.

– Выходит, это посылка от тебя? – спросила Таня, поворачиваясь к Склеповой.

Гробыня сделала плечами волнообразное движение в духе индийских танцовщиц.

– Нет. Я представления не имею, что там! – сказала Гробыня убежденно.

– Как такое может быть?

Склепова вздохнула.

– Ладно, кое в чем признаюсь. Тем более что дело давнее. Бить меня уже не будут. Я подарила Ягуну шкатулку для телепортации мелких артефактов, преимущественно пакостных. Мы с Гуней случайно откопали ее в одной лавочке на Лысой Горе. Маленькие были, глупые, хотелось сделать что-нибудь доброе, вечное, чтобы жизнь медом не казалась… – Гробыня устремила в потолок затуманенный взор.

– Так это ты мне хотела сделать что-нибудь доброе, вечное? – хмыкнул Ягун, забывший, что собрался быть немым.

Гробыня уныло кивнула.

– И при чем тут тогда этот сверток для Таньки?

– Да откуда я знаю, при чем!.. Говорят же тебе, это магический ящик для телепортации мелких артефактов. Откуда он их берет – представления не имею. Вероятно, из какого-нибудь другого места, где они исчезают. Плюс, если ящик

долго не открывать, магия внутри усилится, и тогда произойдет что-нибудь совсем уж грандиозное… Поэтому мы с Гуней и велели тебе не открывать шкатулку год. Ясно? А ты сколько ее не открывал?

Ягун зашевелил губами, считая.

– Ну, года уже два-три. Не меньше! Я про эту шкатулку забыл совсем. Сунул ее под кровать и все. А сегодня решил, понимаешь, к пылесосу вместо обычной трубы выхлопную приделать, авось получится что-нибудь. Стал под кроватью рыться, а тут – опаньки! – ящик. Весь голубоватым сиянием окутан, дрожит от нетерпения. Я его открыл – и вижу сверток для Таньки.

– А кроме этого свертка, там что-нибудь еще было? – с неожиданным интересом спросила Склепова.

– Только он. Я проверял.

– Ясно, – сказала Гробыня. – Другого я и не ожидала.

– Почему это?

– В этот ящик влезло бы что угодно, а там был только жалкий маленький сверток, подписанный для Гроттерши! Я прямо умиляюсь! Ты прямо как главная героиня романа. Если кирпич должен свалиться на чью-то хорошенькую головку, ты уже заранее знаешь, чья она будет. Остальным же остается только чушь прекрасную нести, восторгаться и вовремя падать в обморок.

– Эй ты, говорливая мещаночка! Хватит! Или сама будешь разворачивать! – рассердилась Таня.

Она с тревогой наблюдала, что серебристая искра на нитке забегала совсем быстро. Бумага осветилась розовато и тревожно. Стоявший на столе стакан внезапно треснул. По сумрачным стенам заметались всполохи. Магический контрабас негодующе отозвался из футляра. Заговоренный сверток требовал, чтобы его незамедлительно открыли. Если срочно этого не сделать, последствия могут стать непредсказуемыми.

Ощупав сверток, Таня ощутила внутри что-то мягкое. Глубоко вздохнула и потянулась к нитке. Ягун и Гробыня обменялись понимающими взглядами. Склепова отодвинулась поближе к дверям, а Ягун остался сидеть на стуле. Он был внешне расслаблен и даже ногу с ноги не убрал, но Таня заметила, что он подвинул руку с перстнем поближе к колену. Мало ли что…

«Ну, пора! Если я не выпущу это, оно вырвется само», – подумала Таня.

Пипа скатилась с кровати и закрыла голову подушкой. Секунду спустя дочка дяди Германа услышала, как лопнула нитка.

– Да тут какие-то волосы! – услышала Пипа удивленный голос Тани.

Глава 2

ЛУБОФФ НЕ МАГИЯ. ОНА ХУЖЕ

– Как ты помнишь, друг мой, наш договор расторгался в двух случаях: если ты поумнеешь или попросишь меня о том, чего я не смогу выполнить… – зловеще сказала щука с зелеными разводами на чешуе.

– Так что, я поумнел? – басом удивился Гломов.

Это был тот самый Гуня, о котором еще пять лет назад ходил анекдот: «Маленький Гунечка встал рано утром. Убрал со стола вчерашние бутылки, побрился и, закуривая на ходу, пошел в школу. Уроки в первом классе вот-вот должны были начаться».

Щучка-внучка окинула его оценивающим взглядом.

– Поумнел? Врать не буду. Чего нет, того нет, – сказал она.

– Тогда чего?

Щука хихикнула.

– Только что ты попросил меня о невозможном. Теперь тебе придется выплатить мне небольшую неустойку.

Гуня энергично поскреб рукой щетину. Послышавшийся звук напомнил скрежет новой наждачной бумаги.

– А чего я такого пожелал-то? Не врубаюсь, – произнес Гломов с недоумением. Ему казалось, что он был осторожен.

– Напоминаю. Пять минут назад ты сказал: «Хочу, чтобы у меня была бутылка пива, я сидел бы в кресле, а Гробыня массировала бы мне плечи».

– Что мне, пива нельзя, что ли? – возмутился Гломов. С его точки зрения, желание было вполне безобидным.

– Отчего ж нельзя? Тебе уже все можно. Долгохонько же ты в Тибидохсе подзадержался, – вкрадчиво сказала щука.

– Тогда чего? Ты не можешь устроить, чтобы Гробыня сделала мне массаж? Или тебе колдовать в лом? – с обидой спросил Гломов.

Щука шевельнула хвостом.

– Со Склеповой, конечно, сложнее. Нрав у нее тот еще. В хорошем настроении она и сама тебе плечики помассирует, а в плохом пожалуй что и шею свернет. Однако дюжина хорошо подготовленных купидончиков с бронебойными стрелами решили бы и эту проблему… Нет, Гунечка, тебя сгубила банальная жадность.

– Ты не темни, конкретно говори.

– Вспомни, что ты добавил к своему желанию. Ты добавил, что хочешь, чтобы пива в бутылке было больше, чем воды в Мировом океане, и чтобы оно было ядреней, чем лава в Тартаре. Этого я выполнить не могу, несмотря на всю силу своей магии. В крайнем случае, тютелька в тютельку. Но уж точно не больше и

не ядреней… Так что расплачивайся, Гломов! Твой час пробил!

Щучка-внучка нетерпеливо подпрыгнула в ведре, обдав Гуню гниловатой водой.

– У всякого человека и даже у каждой щуки есть свой пунктик, – продолжала она. – Эдакое, знаешь ли, желаньице. Иногда нелепое, даже вздорное. Такой пунктик есть и у меня, ничего не попишешь. Борюсь с собой, борюсь, плавники вон все себе изгрызла, хвост искусала… Но, думаю, лучше сказать своему желанию «да» и раз и навсегда избавиться от комплексов!

– Что за желание-то? – опасливо поинтересовался Гломов.

Щука приоткрыла рот. Зубы у нее были мелкие, как пилки.

– Э-э… ну если ты хочешь знать… Видишь ли: мне давно хотелось съесть человеческое сердце. Не какое-нибудь вообще сердце, а сердце очень глупого и очень здорового человека… Твое сердце, Гуня!

– Э-э, ты чего?! Это типа шутка? Я же так умру! – растерялся Гломов.

– Не говори таких ужасных слов, умоляю! – сказала щучка-внучка. – Я слышать ничего не желаю. Твоя смерть мне не нужна. Только сердце. Остальное можешь оставить себе.

Гуня сглотнул слюну.

– Но я же не смогу жить без сердца!

– Ну, родной, это уже частности. Никогда не следует зацикливаться на деталях, – небрежно сказала щука.

– Ты говорила про здоровое сердце. А разве я здоровый? Когда я приезжаю на каникулы, моя маманя всегда вздыхает, что я тощий и бледный. И что мой дедушка зашиб бы меня одним пальцем, – цепляясь за соломинку, заявил Гломов.

– Твой дедушка был цирковым силачом? – заинтересовалась щучка.

– А оно ему надо было – грыжу рвать? Он всю жизнь проработал в магазине «Рыболов-спортсмен». Продавал спиннинги и телескопические удочки. В девяносто два года поехал на охоту, выпил и заснул на морозе.

– Жаль, я не была знакома с твоим дедушкой. Его бы сердце мне подошло, особенно учитывая мое отношение к рыболовам-спортсменам. Однако дела это не меняет. Приступим! Зажмурься и считай до трех… Будет не больно, обещаю. Никакой патологоанатомии, сплошная магия…

Щучка высунулась из ведра и уставилась на Гломова. Гуня пугливо попятился.

– Может, свое желание я возьму назад? – спросил он с надеждой.

– Поздно, дружок! Считай! Ну!.. – рявкнула щука.

Из ее плоских рыбьих глаз ударили красные лучи. Соприкоснувшись, они сгустились и скользнули вниз, прочертив на каменном полу узкую раскаленную борозду.

Гуня понял, что его не пожалеют. В конце концов, его дедушка, разделывая рыбу, не задумывался, насколько это приятно самой рыбе. Рыба есть рыба. Вот и щука, похоже, рассуждала в том же духе: человек есть человек.

– Считай! – приказала щука.

Раскаленный луч пополз по камням к ногам Гломова. Гуня резво отскочил:

– Хорошо, хорошо! Успокойся! Я понял. Начинаю считать!

– Давай! – мрачно сказала щука.

– Один… два… Аморфус телепорцио! – внезапно крикнул Гломов и вскинул руку.

Алая искра помчалась к щуке. Щуку окутало светлое облако, и она исчезла, успев лишь грозно щелкнуть зубами. Вместе со щукой исчезло и ведро. Остался только влажный круг на полу.

Гуня вытер вспотевший лоб. Перстень на его руке был горячим и обжигал кожу.

– Надеюсь, я зафутболил эту кильку в томате достаточно далеко и она не вернется… Спасибо Склеповой, что хоть чему-то меня выучила, – сказал он.

* * *

Герман Дурнев, бывший депутат, повелитель В.А.М.П.И.Р, наследник графа Дракулы и просто разносторонний человек, переживал нелегкие времена. На втором десятке лет совместной жизни тетя Нинель ушла от него. Не то чтобы окончательно и бесповоротно, но все же ушла. Собрав два чемодана самых необходимых вещей, она произнесла трескучую речь, в которой подвергла резкой критике нравственные достоинства супруга, пожелала ему счастья с секретаршей, на скорую руку всплакнула, ухитрившись не повредить макияж, и шумно хлопнула дверью, едва не расплющив подслушивающего Халявия.

Дядя Герман подозревал, что этот цирк был продуман заранее и тетя Нинель на самом деле взяла путевку и укатила в дом отдыха, но все равно переживал, тем более что никакой связи с ней не существовало. Свой сотовый она демонстративно метнула ему под ноги.

Три дня он прожил один, с досады моря голодом таксу и ворча на Халявия, недавно нагло укравшего золотую сковороду и прокутившего ее с манекенщицами. После загула Халявий ходил бледный, с мешками под глазами, держался за стены и жадно пил воду из-под крана. Пару раз он пытался превратиться в волка, но так и не сумел перекувырнуться через нож.

Холостякующий дядя Герман убедил себя, что не ждет звонка тети Нинели, и верил в это искренно. Когда же телефон вдруг зазвонил, он неожиданно для себя кинулся из коридора и прищемил дверью палец. Звонили из автомастерской.

– Дурнев Гэ? Вы сдавали нам свой «Мерседес» с жалобой на заедание стеклоподъемника? – поинтересовался бодрый канцелярский голос.

– Ну, – невнятно сказал Дурнев, держа прихлопнутый палец во рту.

– Стеклоподъемник мы, к сожалению, сделать не сможем. У нас нет запчастей. Зато мы провели бесплатную диагностику вашего авто и обнаружили, что вам неправильно установили колонки. Их слишком много, и, когда включаешь звук на полную громкость, автомобиль подскакивает и теряет сцепление с дорогой. Кроме того, желательно заменить автоматическую коробку передач. Мы можем заняться этим прямо сейчас. Все двадцать

наших механиков случайно оказались свободными.

– У меня на коробку жалоб не было, – удивился Дурнев.

– И не будет! – жизнерадостно заявил голос.

– Хорошо, мальчики! – сказал дядя Герман послушно. – Меняйте что хотите! Машина на гарантии.

Бодрый голос на мгновение сделал траурную запинку, но тотчас выправился и стал еще убедительнее:

– Мы сожалеем, но ваша гарантия недействительна. Вы ни разу не приехали на ТО. Кроме того, вы расписались в неположенном месте и пробили бумаги дыроколом, чего делать не следует. Подтверждаете заказ и оплату?

– Подтверждаю, – смиренно согласился дядя Герман. – Как, кстати, вас зовут?

– Сергей… Сергей Васильевич.

– Большое спасибо, Сергей Васильевич! Начинайте творить.

Дурнев повесил трубку, посмотрел на телефон и нехорошо ухмыльнулся. Его глазные зубы выдвинулись и тотчас спрятались.

– Думают: обдурили меня… Ах, мальчики, мальчики! За «Мерседесом» я пришлю Бума и Малюту! До старости ни один работник автомастерской не сможет смотреть фильмы ужасов. Кроме того, одну гайку им придется закручивать втроем, потому что у всех будут дрожать руки, – сказал он с предвкушением.

В комнату, виляя бедрами, вошел Халявий и томно остановился возле кресла дяди Германа.

– Дурнев, а Дурнев! Ты никогда не задумывался, что фамилия у тебя говорящая?

– В смысле? – нахмурился дядя Герман.

– Германчик! Я же сто раз тебе говорил: после принятия ванны не забывай вытаскивать пробку!

– С какой стати?

– А с такой, что у нас в джакузи плавает тухлая рыба!

– Ну и что?

– А то, что она не только плавает. Она еще и хамит! – наябедничал Халявий.

– Кому хамит? – недоумевал дядя Герман.

– Мне, маленькому Халявочке, который один у тебя остался, не считая этой вытянутой пародии на собаку! – плаксиво пожаловался оборотень.

Дурнев пожал плечами и направился в ванную. В черной джакузи, изредка от скуки всплывая желтоватым брюхом кверху, плавала и меланхолично шевелила плавниками большая зубастая щука.

Заметив, что в ванной кто-то появился, щука высунула голову из воды и уставилась на Дурнева:

– Нашего полку прибыло! Что мы имеем?.. О, Герман Дурнев! Пол внешне неженский. Год рождения такой-то. Рост 1 метр 88 см. Собственной магической силы не имеет, использует артефакты вампомира… Слушаю вас, Герман Никитич! Что скажете, молодой и красивый?

– Кто ты такая? – хмуро спросил Дурнев.

После того как его дочь оказалась в Тибидохсе, а сам он стал повелителем В.А.М.П.И.Р, дядя Герман уже не удивлялся таким банальным мелочам, как ораторствующие зверушки, птички и рыбки.

– О, зовите меня просто щучка! Щучка-внучка!

– Приятно познакомиться! – влез в разговор Халявий.

Делая вид, что хочет поздороваться, оборотень как бы невзначай потянулся к пробке, чтобы спустить воду, но щука щелкнула зубами, заставив его поспешно отдернуть ладонь.

– Без фокусов! – сказала щучка с угрозой.

Из ее глаз брызнуло красное сияние, отбросившее незадачливого Халявия на стену ванной. Халявий пискнул и сполз по стене.

Дурнев предусмотрительно попятился.

– Несколько правил! Зарубите их на хрящевых выступах, которые вы, жалкие млекопитающие, называете носами! – сурово произнесла щука. – Правило первое: воду не спускать! Правило второе: без спросу ко мне в ванную не заходить! Когда купаюсь, я делаюсь нервная, а купаюсь я целый день! К тому же я не одета. А теперь брысь! Я буду отдыхать и вынашивать планы мести!

Халявий с Дурневым переглянулись и разом кинулись из ванной, захлопнув за собой дверь.

– Эй, вы там! Я чувствую, где-то здесь поблизости есть собака! Принесите ее сюда! Я проголодалась! – донеслось из-за двери.

Такса Полтора Километра заскулила из-под дивана, точно понимала, что речь идет о ней. Дурнев глубоко вздохнул и направился в комнату.

– Германчик, что ты собираешься делать? – трусливо спросил Халявий.

– А что тут сделаешь? Избавиться от таксы соблазн, конечно, большой, но что скажет Нинель? Надо сражаться! – произнес Дурнев.

Он извлек из шкафа шпагу и задумчиво потрогал пальцем, острая ли она.

– И на всякий случай, просто промежду прочим! Имейте в виду: вампирское холодное оружие на рыб не действует! – поспешно крикнула из ванной щука.

Глава 3

ПАРИК ДЛЯ ЗЛАТОВЛАСКИ

Таня недоуменно смотрела на прядь светлых волос, туго перевязанную тонкой лентой, некогда красной, но теперь выцветшей. Вот и все. Больше в свертке не было ничего: ни записки, не объяснений.

– Ого, последний привет из парикмахерской! Ну и чьи это космы? – поинтересовалась Склепова.

– Не знаю.

– И что тебе надо делать с этими магическими патлами? Пустить их на паричок? Или это тонкий намек, что рыжей Таньке пора краситься? Сколько можно – с первого курса ни разу ничего с собой не учудить! Для меня и неделя с одним цветом волос нереально! Меня бы народ не понял, и человечество осудило! – рассуждала Гробыня.

– Склепова, утихомирься! Разве не ты подарила мне этот ящик? – заметил Ягун.

– Когда я дарила шкатулку, она была пустой, как твоя голова. Через год – я была уверена точно, там появится какая-нибудь гадость. А вот что там обнаружится через два-три года – я и представления не имела. Может, вовсе и не гадость, а нечто совершенно иное, – произнесла Гробыня.

Она еще некоторое время заинтересованно разглядывала прядь в руках у Тани, а затем, быстро выпалив: «Вшей хотя бы нет? И на том мерси. Дай взглянуть!» – попыталась выхватить у нее волосы.

Однако, как оказалось, это была не самая мудрая затея. Внезапно Гробыня завопила и отдернула пальцы. Таня с удивлением обнаружила, что перстень Склеповой дымится. Похоже было, что его магия только что вошла в столкновение с другой магией и была побеждена.

– Если это не для меня, надо было словами сказать! Ненавижу эти хамовитые артефакты! – возмутилась Гробыня, дуя на пальцы.

Пипа посмотрела на часы и демонстративно зевнула.

– Ну все! Уже три часа! – сказала она решительно. – Кто как хочет, а я баю-бай! Всех лишних попрошу покинуть помещение! Всех нелишних попрошу заглохнуть!

Ягун покосился на Пипу, осторожно подзеркаливая. Пространство вокруг дочки дяди Германа накалялось. Это было верным признаком того, что Пипа раздражена и вот-вот может полыхнуть интуитивной магией. Магия же эта обычно бывала такой силы, что даже Поклеп Поклепыч предпочитал особенно не доводить ее на своих уроках.

– Я как раз собирался сказать всем: спокойной ночи! Пока, Танька! – произнес Ягун и отчалил.

Пипа заснула почти сразу, Гробыня минут через десять. Посмотрев на нее, Таня подумала, что во сне Склепова имеет мирный вид. Вполне можно было допустить, что когда-то в мире лопухоидов эту брутальную молодую дамочку, которая теперь всерьез собиралась ставить на место Вия, звали Анечкой и она гладила щекой пушистые варежки.

Таня некоторое время повертела странную прядь в руках, а затем, толком так и не поняв, что с ней делать и чего от нее ждать, сунула ее в одно из отделений футляра от контрабаса, предназначенное для мелких предметов. Феофил Гроттер, лично пошивший когда-то футляр из драконьей кожи, был очень деятельный и предусмотрительный старичок, любивший со вкусом устраивать

свой быт.

– Felix qui potuit rerum cognoscere causas [2 - Счастлив, кто мог познать причины вещей (лат.). Вергилий, «Георгики», II.], – скрипучим, но довольным голосом заявил Феофил.

Должно быть, он отслеживал все мысли, которые касались его лично.

Вскоре Таня уже спала. Сон ее был прерывистым и беспокойным. Что-то неопределенное, но вязкое и неотступное тревожило ее. Во сне она металась по кровати. То казалось ей, что она едет на верхней полке поезда куда-то далеко, спит и боится свалиться. То чудилось, что одеяло не одеяло вовсе, а ковер-самолет, который душит ее своими кистями. Уже под утро, вконец заблудившись в своих кошмарах, Таня внезапно увидела золотистую нить, похожую на нить Ариадны из магических мастерских на Лысой Горе. Нить пронизывала ее сон и куда-то уводила.

Следуя за нитью, Таня во сне села на вагонной полке и тотчас поняла, что сон завершился. Она была на своей кровати, в Тибидохсе. В окно, лишенное Черных Штор, била луна.

* * *

Таня провела рукой по лицу и снова хотела лечь, но внезапно увидела, что лучи луны, странным образом сплетаясь в золотистую нить, ныряют под дверь. Это было так непривычно даже для мага, который по определению не должен ничему удивляться, что Таня поспешно встала, быстро оделась и последовала за нитью. Как нередко бывает при пробуждении на рассвете, сознание у нее было очень ясное, лишенное дневных сомнений и страхов. Иначе она, разумеется, задумалась бы, стоит ли идти неизвестно куда, следуя за лунным светом.

Золотистая нить, висевшая в воздухе, вела по коридору мимо пустой в этот час общей гостиной и дальше, в тишину и ночь. Таня решила было, что нить указывает путь к Главной Лестнице, но нет. Миновав лестницу, нить некоторое время попетляла по редко посещаемым коридорам Жилого Этажа, где, по слухам, находились замурованные двери нескольких давным-давно проклятых комнат, а затем Таня увидела, что нить решительно сворачивает к старой

каменной вазе и, пройдя сквозь нее, исчезает в стене.

Покрутившись рядом, Таня хотела уже вернуться, ибо, в отличие от нити, у нее были проблемы с прохождением сквозь стены, но внезапно ее посетила простая и очевидная мысль.

Она подошла к каменной вазе и попыталась сдвинуть ее. Массивная ваза отнеслась к ее стараниям с любознательным интересом мамонта, которого пытаются стащить с места и запинать два хомяка. Таня лишь выпачкала ладони липкой пылью.

– Антиллум древнидис! Шляпа! – недовольно уронил перстень.

Несколько секунд Таня заторможенно размышляла, что это может означать, а затем сообразила. «Антиллум древнидис!» было заклинание поиска секретных ходов, которое они когда-то давно проходили, но толком она его так никогда и не использовала. Под словом же «шляпа» Феофил имел в виду… хм… ну, будем считать, что все же головной убор.

Таня на несколько секунд задумалась, отошла на пару шагов, подняла перстень и, начертив руну, ибо одного заклинания в данном случае было недостаточно, произнесла:

– Антиллум древнидис !

Ничего не изменилось. Зеленая искра скользнула по перстню, но даже не оторвалась от него и очень скоро погасла. Всмотревшись в пылавшую в воздухе руну, Таня стерла ее ладонью и попыталась еще раз, добавив резкую горизонтальную черту, о которой прежде не вспомнила. Теперь даже Медузия, некогда полгода терзавшая их курсом рунной каллиграфии, не нашла бы к чему придраться. Она бы только хмыкнула и чуть опустила подбородок – максимальное одобрение, которое можно было у нее получить.

После произнесения заклинания зеленая искра послушно скользнула к руне, повторила все ее изгибы, а затем, направившись к вазе, трижды коснулась ее в разных местах. Тане осталось лишь повторить все за искрой.

Каменная ваза крупно задрожала и неохотно отодвинулась с видом сурового стража, вынужденного пропустить в Эдемский сад грешника по бесплатному билету. Сразу за вазой в стене обнаружилась лестница, такая узкая, что Тане приходилось подниматься, выставив вперед одно плечо. В противном случае она цепляла бы стены. Ступеньки же, напротив, были высокие до невозможности. Таня подумала, что лестница, должно быть, сделана для циклопов-дистрофиков.

Золотая нить уверенно указывала направление. Бьющий от нее тусклый свет разбрызгивался по влажным каменным стенам. После ста сороковой ступени, когда Тане начало казаться, что она уже едва ли не под самой крышей Тибидохса, проход внезапно расширился. Девушка оказалась на площадке размером примерно пять метров на пять с узкой, пробитой в стене бойницей, в которую пробивался свет луны. Значит, бойница выходила на ту же сторону, только теперь она находилась на полсотни метров выше, почти под самой крышей Большой Башни.

В центре площадки на небольшом возвышении, чертя тросточкой по столетней пыли под ногами, сидел юноша. Его кожа в лунном свете казалась голубой. Таня отпрянула. Она была убеждена, что об этом секретном ходе никто, кроме нее, не знает. Лишь пролетит глухой ночью призрак в белом одеянии или, спасаясь от Недолеченной Дамы, резвым потусторонним зайчиком проскочит поручик Ржевский.

Юноша поднял бледное лицо. Таня узнала Глеба Бейбарсова. Вот уж кого она не ожидала тут встретить.

– Здравствуй! – сказал Бейбарсов.

– Откуда ты здесь?

Глеб пожал плечами:

– В общем, ниоткуда. Рад, что ты нашла дорогу.

– Я нашла дорогу? – недоуменно повторила Таня.

– Ты пришла, потому что я звал тебя. Это я посылал тебе сны! Я сомневался, правильно ли сделал, что закрыл секретный ход, – спокойно ответил Бейбарсов.

Он приподнял трость, и Таня увидела вокруг ручки золотистое сияние. Ее окутывал клубок невесомых световых нитей.

– Ну да, – сказал Глеб, проследив направление ее взгляда. – Моя бамбуковая трость притягивает лунный свет. Она полая.

– Там внутри что-то есть? – спросила Таня, вглядываясь в странные очертания клубка.

Бейбарсов ускользающе усмехнулся.

– Лучше не спрашивай. Чтобы отнестись к тому, что там внутри, правильно и без омерзения, нужно быть некромагом.

– Я не хочу ничего с тобой обсуждать. Вообще это свинство – вытаскивать человека ночью из кровати темной магией, – сказала Таня.

– Знаю.

– Ты что, все знаешь? Ты опоздал. Вакансия занята. По части всезнайства у нас Шурасик, – отрезала Таня.

Бейбарсов отнесся к этому выпаду с чудовищным спокойствием. Таня даже обиделась. Ее упорно не воспринимали всерьез. Относились к ней хотя и нежно и терпеливо, но как к маленькой, довольно глупой девочке.

– Ты дрожишь. Тебе холодно, – сказал Бейбарсов. Он, как видно, вообще предпочитал не спрашивать, а утверждать.

Таня машинально кивнула, прежде чем задумалась, стоит ли признаваться.

Она думала, что Бейбарсов с видом усаживающейся на гнездо курицы начнет стаскивать с себя свитер, как это обычно делал Ванька Валялкин, и собиралась гордо отказаться, но Бейбарсов поступил иначе.

Он поднял руку, повернул ее ладонью к потолку, и на ладони его внезапно вспыхнуло длинное рыжеватое пламя. От пламени с треском отрывались белые искры, похожие на искры бенгальского огня. В тесной комнате под чердаком сразу стало тепло.

– Тебе не больно? – спросила Таня с изумлением.

Творить заклинания огня могла и она. Для мага пятого года обучения в этом не было ничего особенно сложного. Но не на собственной коже, разумеется. Коже, как правило, не хватало фантазии отнестись к огню с юмором.

– Нет, не больно, – сказал Бейбарсов. – Старуха учила нас и не такому. Дважды она заставляла нас спать в огне, таком жарком, что дверца печки накалялась докрасна. Я почти было сгорел, но меня подстраховала Аббатикова. А потом я и сам разобрался в характере этой магии… Не думаю, однако, что тебе тоже стоит это повторять. Тебя не защищает то, что защищает меня.

– А что защищает тебя?

Бейбарсов высоко поднял руку. Огонь жадно взметнулся к высокому потолку, и Таня увидела переплетенный рисунок из запрещенных рун, переходивший на стены. Голова у нее закружилась от натиска черной магии.

– Это необычный зал. Некогда – много лет назад – здесь собирались темные ученики Тибидохса. В самую длинную ночь года они приходили сюда с Жилого Этажа для совершения тайного ритуала. Тогда же выбирали короля и королеву темного отделения, которые считались полноправными повелителями весь год. Того, кто проговорился бы об этих встречах светлым, ждало отсроченное проклятие и мучительная смерть. Затем, уже при Сарданапале, традиция постепенно забылась, – пояснил Бейбарсов.

– Откуда ты знаешь про ход и ритуал? – спросила Таня. Ни она, ни Ванька, ни Ягун ни о чем таком и не подозревали, хотя проучились здесь не один год и облазили всю школу.

– Мне рассказал ваш библиотечный джинн. Абдулла, кажется, – небрежно пояснил Бейбарсов.

Таня поразилась, как скоро джинн Абдулла признал в Глебе своего и доверил ему тайну, хотя Бейбарсов вел себя скромно, спокойно, не ходил в перстнях с черепами, не орал, что он темнее ночи, и не смазывал накладные ногти ядом гюрзы, как некогда это делала Попугаева.

Вот он – истинный опасный некромаг, который живет, даже не задумываясь о том, какую магию творит.

– Не думаю, что даже Шурасику известно об этом секретном ходе. Чем, интересно, ты так быстро добился расположения Абдуллы? – спросила она задумчиво.

Бейбарсов пожал плечами.

– Не знаю даже… Странный старикан. Он почему-то сразу хорошо ко мне отнесся, когда мы встретились в три часа ночи на старом Тибидохском кладбище у склепа Чумы-дель-Торт, – небрежно сказал Глеб.

У Тани закружилась голова. Ей почудилось, что грозное имя, коснувшись темных рун, обрушилось на нее сверху камнепадом. Если бы Бейбарсов не подхватил ее, она бы упала. Невероятно, что он вообще может произносить это имя. Прежде она считала, что это в состоянии сделать только Сарданапал, она и, возможно, этот неведомый юнец Мефодий Буслаев, про которого говорят, что ему проще открыть магией врата Тартара, чем заставить сработать простенький Пундус храпундус.

– Старое кладбище? Склеп Чумы? Разве Чума… разве от нее что-то осталось после титанов? Сарданапал никогда ничего нам не говорил, – сказала она охрипшим голосом.

– Малышка, – произнес Бейбарсов сострадательно. – Ты не обижайся, но у меня такое ощущение, что это не я, а ты только что прилетела сюда из глухой чащи.

Таня кивнула:

– Угу. Пипа тоже говорит, что это смешно, когда москвичи спрашивают у иногородних, как им пройти на какую-нибудь улицу. Но часто это так и

происходит. Закон природы. Когда люди боятся отстать, они чаще всего обгоняют.

Бейбарсов наконец перестал водить тросточкой по полу и отставил ее в сторону. Одновременно он опустил ладонь с полыхавшим на ней огнем, и Таня случайно увидела, что на пыли, где только что скользил край трости, начерчен чей-то профиль. Прежде чем она успела разглядеть что-либо еще, Глеб поспешно поставил на него ногу. Таня даже поморщилась, таким безжалостным ей это показалось.

– И зачем ты вытащил меня сюда среди ночи? Ты в курсе, что я встречаюсь с Ванькой? – спросила Таня.

– Да.

– И что ты по этому поводу думаешь?

– Я не обязан ничего думать по этому поводу. Я-то с ним не встречаюсь, – хладнокровно отвечал Бейбарсов.

– Ты всегда такой наглый? По-твоему, я должна терять голову всякий раз, как увижу некромага? – возмутилась Таня.

– Тебе решать. Но если серьезно, я на это не надеюсь. В меня никто никогда не влюблялся, – улыбнувшись, проговорил Бейбарсов.

– То есть ты хочешь сказать, что никогда никому не нравился? – с сомнением спросила Таня, вспоминая о Гробыне, которая слишком уж часто в последнее время упоминала Глеба в своих разговорах. Разумеется, она перевирала его фамилию, называя его то Купайтазиковым, то Грызисухариковым, то Кусайматрешкиным, но в варианте Гробыни это-то и было как раз подозрительно. Правда, она могла и ошибаться.

– Скорее всего, никому, – сказал Бейбарсов. – Когда ведьма меня украла, мне было столько лет, что всех девчонок в мире я променял бы на одну машину с радиоуправлением. Ну а далее несколько лет вообще выпали из жизни. Когда повсюду в землянке валяются кости и высушенные человеческие внутренности,

а за окном бродят не похороненные в войну солдаты из увязшего в болотах подразделения СС и предлагают купить мундиры и ржавые ордена, как-то совсем не до мартовских настроений… К тому же были и другие причины. Как-нибудь, возможно, я расскажу тебе.

– А Аббатикова и Свеколт?

– У них, я думаю, то же самое. Ленка Свеколт все время училась. Под конец даже старуха-ведьма от нее спасалась, так Ленке хотелось узнать все тайны некромагии. А Аббатикова… – Глеб задумался. – Знаешь, похоже, Аббатиковой я когда-то нравился. Но не думаю, что это было настоящее чувство. Так, что-то детское, поверхностное, едва ли серьезное…

Таня спохватилась, поймав себя на мысли, что начинает его жалеть. А от жалости до любви, как известно, один шаг. Разве не так же она когда-то полюбила вихрастого Валялкина?

– И из-за того, что ты жил у ведьмы, ты решил за мной ухаживать? У тебя нет шансов, – заявила Таня решительно.

Все-таки этот тип, сдернувший ее ночью с постели и заставивший следовать за золотой нитью, ужасно тревожил ее в последнее время, нарушал хрупкую внутреннюю гармонию.

Глеб усмехнулся:

– Ну, нет так нет. Думаю все же, что я еще помучаюсь…

Таня повернулась и быстро вышла. Уже шагнув на первую ступень длинной лестницы, она повернулась, опасаясь, что Бейбарсов последует за ней. Однако Глеб этого не сделал. Он вновь чертил что-то тростью на пыльном полу, и, казалось, его занимало теперь только это.

Всю обратную дорогу Таня с раздражением думала о Бейбарсове. Он казался ей самоуверенным и напористым человеком, в котором, однако, было нечто такое, что заставляло ее вспоминать о нем куда чаще, чем ей самой того хотелось.

И лишь на Жилом Этаже, подходя к комнате, она спохватилась, что за последний час вспомнила о Ваньке лишь однажды, и то приводя его в качестве аргумента для Бейбарсова. Это показалось ей таким несправедливым, таким обидным для нее и для Ваньки, что она без особого повода запустила Дрыгусом-брыгусом в Инвалидную Коляску, которая терпеливо стояла на пересечении коридоров в надежде испугать какого-нибудь первокурсника.

Коляска дважды перевернулась в воздухе, заскрипела и оскорбленно сгинула, так и не дождавшись первых петухов. Таня решительно открыла дверь своей комнаты и, едва успев сделать шаг, вскрикнула, столкнувшись нос к носу с Сарданапалом.

* * *

Гробыня Склепова проснулась оттого, что Паж настойчиво стягивал с нее шпагой одеяло.

– Ты что, зарезать меня хочешь, ревнивое создание? – возмутилась Склепова, открывая глаза.

Она совсем было собралась запустить в скелет Дырь Тонианно заклинанием и уже подняла руку с перстнем, но внезапно услышала, что кто-то нетерпеливо и, похоже, давно стучит в дверь.

– Кого еще по ночам носит? Я предупреждала: до десяти утра меня не доставать. Раньше десяти я могу только убивать. Глом, это ты? – крикнула Гробыня.

– К сожалению, нет, милостивая государыня! – вежливо ответили из-за двери.

– Кто у нас еще такой прихлопнутый культурой? Жикин, что ли? Шурасик? Пнистый Скряга Дыр? Мин херц Супчиков-Бульонский, поклонник Пипы и всяких прочих муз? – спросонья пыталась определить Склепова.

– Снова не угадала.

Перестав играть в угадайку, Склепова сердито дернула дверь и тотчас от изумления едва не ввинтилась в пол, как штопор в горлышко бутылки.

– Ой, блин! Сарданапал! Извините, академик! – прохрипела она, бросаясь закутываться в одеяло.

– Жикин, Шурасик, Гломов, Бульонов? Так вот кто ходит по ночам по комнатам девочек? – с вежливым любопытством произнес академик.

Он прошел в комнату и остановился в двух шагах от скелета. Воинственный Дырь Тонианно попытался сделать выпад шпагой, но академик, не оборачиваясь, утихомирил его одним щелчком пальцев.

Склепова, закутанная в одеяло, как мумия в погребальные холсты, с любопытством и страхом разглядывала академика. В этот ранний час Сарданапал был одет довольно небрежно: в крылатые сандалии, лениво помахивающие крылышками, в греческую тунику и алый плащ. Его бунтующие усы были скреплены на затылке двойными золотыми зажимами.

– А где Татьяна? Она срочно нужна мне, – спросил он с недоумением, посмотрев на пустую кровать.

– Танька? А куда она делась? – удивилась Склепова.

– Это я у тебя хотел бы спросить.

– Хм… Сейчас подумаем… Контрабас как будто на месте. Ага, я поняла! Она отправилась собирать мак для своего ручного таракана!

– Чего? – переспросил академик с недоумением.

– А вы думали, просто придумывать отговорки спросонья? Дайте мне чашку кофе и минут десять времени – я сочиню вам такую легенду, что сама в нее поверю! – хмыкнула Склепова.

Удивленный Сарданапал уставился было на свой перстень, явно собираясь прибегнуть к магии для определения того, где проводит ночи ученица Гроттер,

но как раз в этот момент дверь открылась, и в комнате появилась Таня.

Последовавшая далее немая сцена была вполне в духе развязки гоголевского «Ревизора». Однако через некоторое время все устаканилось и актеры успокоились.

– Татьяна, я опасался разбудить тебя… хм… но, как видно, ты сама предпочитаешь вставать рано, – сказал академик растерянно.

Таня уставилась в пол. Ну что тут скажешь? Правду? Но правда в данном контексте не прозвучит, как говаривал Ягун.

– Что ж, здоровый образ жизни – это упоительно и прекрасно! Режим, режим и еще раз режим, говорю я Медузии, когда вечером она пытается напоить меня глинтвейном… Хм… О, какие у тебя розовые щеки! Бегала вокруг Тибидохса? – выручая ее, подсказал академик.

Таня пробурчала нечто, что при наличии воображения можно было принять как за «да», так и за «нет». У Сарданапала требуемое воображение, как видно, было в наличии, потому что он не стал задавать никаких дополнительных вопросов, хотя его маленькие глазки поблескивали, пожалуй, хитрецой.

– Habita fides ipsam plerumque fidem obligat [3 - Оказанное доверие обычно вызывает ответную искренность (лат.). Тит Ливий, «История», XXII.], – одобрительно проскрипел перстень Феофила Гроттера.

Таня села на свою кровать и подвинулась так, чтобы между ней и умиравшей от любопытства Склеповой оказался Сарданапал. В данном конкретном случае академик казался ей безопаснее жаждущей подробностей и нюансов Гробыни.

– А теперь к делу… Два часа назад я получил пакет. Его принес очень важный купидончик в штанишках с лампасами и с необъятной кожаной сумкой. Его сопровождали две гарпии с мигалками и три патрульных хмыря на гробовых крышках. К счастью, гарпий отсекло защитное заклинание у моего окна, так что я их толком и не разглядел. Так только, пискнуло что-то и мелькнули чьи-то ноги… Скверно, очень скверно! Прежде магические школы не позволяли себе такого откровенного заигрывания с нежитью… – укоризненно произнес Сарданапал и, видно отвлеченный какой-то неприятной мыслью, надолго

задумался.

– И в пакете было… – осторожно подсказала Таня.

– Совершенно верно, – проснулся академик. – Еще одно приглашение из спорткомитета Магщества. Его можно было бы и проигнорировать, но на нем все визы Лысой Горы. Отвертеться не удастся.

– От чего отвертеться?

– Ты летишь в Магфорд сразу после последнего экзамена. С тобой вместе летит Баб-Ягун и не только он. С того раза, когда мы говорили о поездке, произошли некоторые изменения. Теперь они хотят еще и кого-нибудь из наших некромагов. При этом гарантируют ему полную безопасность. Не знаю, чем вызвано такое смягчение позиции в отношении некромагии, но, думаю, подвоха тут нет. Я собираюсь послать Бейбарсова… В последний раз он недурно себя показал. Вначале он и Ягун будут играть во втором составе команды невидимок, а там в зависимости от того, как себя проявят…

– Нет, не надо посылать Бе… – начала было Таня, но, внезапно ощутив острое, почти скальпельное любопытство Склеповой, осеклась.

Сарданапал, которого Таня перебила, с укором посмотрел на нее.

– Молчу-молчу… – сказала Таня быстро.

– Я не закончил… – продолжал академик. – Кроме упомянутых бумаг, в пакете была еще одна, не скрою, неожиданная. Официальное приглашение для всего пятого курса Тибидохса плюс дополнительно для Пипы Дурневой, Генки Бульонова и малютки Клоппика.

– Приглашение куда? – мигом влезла Гробыня.

– Приглашение посетить Магфорд. Оформлено все чин-чином. Подпись с росчерком, сургучная печать с оттиском зубов декана. Даже висельная ленточка для красоты. Разумеется, мы, преподаватели, тоже отправляемся с вами. Декан Магфорда здравый человек и понимает, что одних мы вас не отпустим.

– А-а-а! – восторженно заорала Пипа, которая, оказывается, уже не спала. – Я еду к Пупперчику! Наконец-то смогу окончательно определиться, кто мне больше нравится: он или Генка. Ой, извините, академик!..

Сарданапал посмотрел на Пипу и вздохнул.

– Еще кое-какие подробности. Таня, Ягун и Бейбарсов будут жить с игроками команды Магфорда и принимать участие в тренировках. Остальные же – в гостевом корпусе и, разумеется, без тренировок, но с развлекательной программой. Через две недели все пятикурсники возвращаются в Тибидохс. За исключением все тех же Ягуна, Бейбарсова и Тани, которые остаются еще на шесть недель до матча со сборной мира. Вот, собственно, все, что я собирался сказать…

Академик снова посмотрел на Таню. Той почудилось, что Сарданапал хочет добавить еще что-то, но его останавливает, что в комнате они не одни.

– В общем, я надеюсь, все будет хорошо. И плевать на дурные предзнаменования! – произнес наконец академик, словно старался убедить себя, и вышел из комнаты, по рассеянности сделав это сквозь закрытую дверь.

Склепова добежала до двери и, придерживая одеяло, выглянула в коридор. Убедившись, что Сарданапал ушел, она с радостным воплем принялась кружиться по комнате и кружилась до тех пор, пока не потеряла равновесие и не оказалась в объятиях у верного Пажа.

– Дурные предзнаменования! Ха! С каких это пор они мешали красивым девушкам завоевывать мир? – выдохнула она, с хохотом изгибаясь в руках у скелета Дырь Тонианно.

Глава 4

БУДЕШЬ МАЛО ЗНАТЬ –

НИКОГДА НЕ СОСТАРИШЬСЯ

– Ну, ветеринарная магия как будто позади! – бодро сообщил Баб-Ягун, когда бабуся подошла, чтобы заговорить ему длинные десятисантиметровые царапины на руках, оставленные когтями гарпий.

– Угу, – созерцая себя в зеркало, мрачно согласилась Таня, у которой точно такая же царапина – разве что гораздо длиннее – тянулась от глаза к подбородку. – Повезло, что хоть не на лбу! – буркнула она, отворачиваясь от стекла.

В магпункте кроме нее, Баб-Ягуна и Ягге находились еще Ванька и Верка Попугаева. Последняя пребывала в глубоком обмороке после того, как гарпия капнула на нее пометом. Ягге то и дело подносила к Веркиному носу пузырек с нашатырем. Нашатырь почему-то не действовал, и Попугаева продолжала живописно лежать без чувств. Тане, однако, казалось, что даже в обмороке Верка продолжает сканировать и запоминать все, что происходит вокруг.

– Во всем надо видеть хорошие стороны. Одним экзаменом меньше. Теперь всего только и остались: основы белой магии, теоретическая магия, практика сглаза, нежитеведение и история магии, – жизнерадостно продолжал Ягун.

– Другими словами, это Сарданапал, Поклеп, Зубодериха, Медузия и Безглазый Ужас. Причем Безглазый Ужас явно оставлен на десерт, – сказал Ванька.

Ран, после многих из которых могли остаться шрамы, у Ваньки было втрое больше, чем у Ягуна и у Таньки, а все потому, что, помогая Тане поймать вырвавшуюся у нее гарпию, он случайно забыл о своей. При этом, как оказалось, его гарпия о нем не забыла.

Таня посмотрела на Ваньку. Он – исцарапанный и радостный, так мило и наивно улыбался ей и вообще был весь такой Ванька (ну прям слов других не найдешь – Ванька и Ванька!), что ей захотелось обнять его и взъерошить ему волосы. Но тотчас невольно вспомнился усмехающийся Бейбарсов, чертящий тросточкой на пыльном полу. И хотя Глеба рядом не было, он незримо стоял между ними. Чувство вины захлестнуло Таню как удавка. У нее перехватило дыхание. Она повернулась и выбежала из магпункта.

Ванька бросился было следом, но остановился на пороге и растерянно посмотрел на Ягге. Та только руками развела и, пробурчав что-то про шестнадцать глупых

лет, дернула Ягуна за рукав.

– А ну не вертись, а то ошибусь! Будет как в прошлый раз, когда у тебя вместо того, чтобы порез затянулся, пальцы на ногах срослись!.. Ничего молодежь нынче не понимает! Пока сами в Тартар не скакнут, не поймут, что горячо! – сердито прикрикнула она на внука.

Не прерывая обморока, Верка Попугаева свернулась калачиком и, нашарив подушку, набитую душистой одолень-травой, сунула ее под голову. Попугаева все в жизни предпочитала делать с комфортом. Даже находиться в бессознательном состоянии.

* * *

– Никому не хочу навязывать своего мнения, но, поскольку экзамен принимаю все-таки я у вас, а не вы у меня, вам придется сделать то, о чем я вас попрошу, – сияя добродушнейшей из всех существующих улыбок, поведал академик Сарданапал. – Каждому я вручу листок с темным заклинанием, которое нужно превратить в светлое. Соответственно ученикам темного отделения будут розданы светлые заклинания, которые они должны превратить в темные.

– А если у нас не получится? – крикнул с места Семь-Пень-Дыр.

Сарданапал вздохнул.

– Заклинания мне помогали записывать Медузия и Великая Зуби, и сдается мне, подобрали… м-м-м… весьма своенравные. Так что мое пожелание, чтобы у вас получилось, иначе заклинания могут обидеться.

Он покосился на Ягге, которая стояла наготове около окна. Вид у Ягге был осуждающий. В руках она держала походную аптечку, с которой обычно приходила на драконбольные матчи.

Сарданапал взял со стола пачку белых листов и решительно подбросил ее над головой. От перстня академика оторвалась зеленая искра. Подхваченные неосязаемым ветром растрепанные листы метнулись к партам и легли на столы напротив тех, кому предназначались.

По бумаге пошли волны. Бумага выглядела такой пористой, что, казалось, рука, которая прикоснется к ней, провалится по локоть неведомо куда.

Зализина, по ошибке сцапавшая лист Кузи Тузикова, сидевшего с ней за одной партой, завизжала. Лист посерел, затем потемнел, начиная с центра. Сухой раскатистый взрыв подбросил парту на полметра вверх и аккуратно вернул на прежнее место. Узкий столб холодного огня взметнулся к потолку.

К закопченной Зализиной заспешила Ягге с мазью от ожогов. Зализина выла, прерывая вой короткими взвизгами.

– Лиза, соберись и перестань терзать мои барабанные перепонки! Ты не в оркестре!.. Предрекаю, что до конца экзамена ты доживешь… Покажи ладони! – решительно распорядилась Ягге.

– Ах, Зуби, Меди! Ну зачем все эти свирепости? Девочки, я же просил что-нибудь мягкое, что-нибудь доброе! Например, берешь чужой вариант, а он превращается в укоризненный такой тюльпанчик, который грозит тебе бутоном! – огорчился академик.

– Тюльпанчик! Нечего сказать! – фыркнула Ягге. – Да не дергайте вы руками, барышня! У вас далеко еще не предсмертные конвульсии! Но у вас они обязательно будут, если вы еще раз попадете мне по носу!

– Ах, мамочка моя бабуся! Как она ее отшила! Теперь ты понимаешь, в кого я такой уродился! – восхищенно шепнул Тане Баб-Ягун.

Сарданапал откашлялся, молодецки провел рукой по усам и продолжал:

– Тузиков, кгхм… возьмешь другой лист! Остальные: коснитесь своими перстнями правого нижнего угла бумаги! Советую ничего больше не путать.

Едва магические перстни коснулись листов, на бумаге медленно, точно всплывая из глубины, проявились руны магических заклинаний.

Таня с недоумением смотрела на доставшуюся ей руну, которую ей предстояло превратить в ее противоположность. Ей казалось, она видит ее впервые. Больше

всего руна походила на пару дерущихся богомолов. Значение руны Таня представляла себе очень приблизительно. Кажется, нечто связанное с временной передачей прав. Именно на это указывал характерный росчерк в нижней части руны, общий для всех рун этого класса. Поломав голову еще некоторое время, она наконец вспомнила, что это была так называемая залоговая руна. Темные маги использовали ее, когда передавали свой эйдос в залог стражам мрака, получая взамен необходимое умение или артефакт.

Таня честно и мучительно разглядывала руну, пытаясь припомнить, какая светлая руна могла бы быть ее противоположностью и как изменить начертание, но прозрение упорно не наступало. У Тани случился особый экзаменационный ступор, известный всем, кто когда-либо сдавал экзамены. Это было ощущение, что ты не знаешь совершенно ничего и с трудом понимаешь даже само значение слова «билет». И знаешь вместе с тем, что хочешь не хочешь, а сдавать экзамен придется.

В полном отчаянии Таня решила было обратиться к Шурасику, который, давно закончив со своей руной, скучал теперь совсем рядом – просто рукой дотянуться, но именно в этот момент стул Семь-Пень-Дыра резво подпрыгнул, сработав как катапульта, и, проехав животом по полу, Семь-Пень-Дыр уткнулся головой в ботинок прохаживающегося у доски Сарданапала. Из карманов у Дыра посыпались жабьи бородавки, дырки от бубликов и долговые расписки.

– От дополнительных замечаний воздержусь! – добродушно сказал академик, дождавшись, пока смущенный Пень поднимется на ноги. – Возвращайтесь на свое место, уважаемый, и впредь думайте своей головой. Ягге, обработайте нашему другу ссадины!

Таня уныло уткнулась взглядом в свой листок. Она поняла уже, что у Шурасика спрашивать ничего не станет. Слишком унизительно будет, если ей придется вот так вот, на глазах у всех, пропахать носом пол.

Чувствуя, что время экзамена истекает, Таня сосредоточилась и пером Финиста стала водить по бумаге. Напрягая память, она искала другую руну – руну, которая могла бы перечеркнуть действие первой и отменить ее. Это было мучительно. Все равно что помнить чей-то номер телефона, но без двух цифр где-то в конце или в середине, и лихорадочно набирать все возможные комбинации, слыша недовольные и заспанные голоса.

– Начинаем сдавать работы! – услышала она голос Сарданапала.

Шурасик и Лена Свеколт немедленно встали. Их листы легли на стол Сарданапала почти одновременно. Другие пока медлили. Кто-то еще надеялся списать, остальные торопливо проверяли. Таня видела, что Ягун и Ванька посматривают на нее сочувственно. Заметно было, что им худо-бедно удалось справиться со своим заданием. Оба хотят и не могут ей помочь, потому что ничего не видят на ее листе. Любая же попытка перерисовать руну станет роковой.

Сарданапал нетерпеливо посматривал на песочные часы, когда Таня неожиданно ощутила, что у нее сильно чешется бедро. Казалось, в карман заползло насекомое. Достав из кармана руку, она увидела, что к пальцам пристал длинный светлый волос. Это был один из золотых волос пряди, которую не так давно преподнес ей загадочный ящик Ягуна и которая лежала теперь в футляре контрабаса. Как этот волос вообще здесь оказался? Должно быть, это случилось вчера вечером, когда она ненадолго положила прядь в карман. Сама не зная зачем, просто повинуясь неведомому импульсу. И вот теперь она, кажется, начинала понимать, к чему все это было.

Оказавшись на столе, волос странным образом изогнулся и притянулся к залоговой руне, перечеркнув ее внешне незатейливым изгибом. Таня хотела было с досадой смахнуть его, как вдруг, следуя внезапному озарению, повторила пером Финиста причудливый рисунок изогнувшегося волоса. Волос стал белым, истончился и растаял, распространив тонкий аромат неведомых древних благовоний.

Едва Таня оторвала перо, руна замерцала и медленно начала втягиваться в белую пористую бумагу. Спустя несколько мгновений она проявилась вновь, однако теперь это была не прежняя кроваво-красная руна, пунцовевшая на листе, точно брызги крови, а светлая, легкая, почти воздушная. Таня с изумлением узнала руну верности. Ее она знала и прежде и даже сумела бы изобразить, но никогда не подумала бы, что она так близка по написанию к грозной руне, похожей на дерущихся богомолов.

Сарданапал подошел и заглянул ей через плечо.

– Недурственно! – сказал он ободряюще. – Вероятно, написать можно было и аккуратнее, но общее направление мысли мне нравится…

Он взял ее листок и пошел дальше по ряду, собирая оставшиеся работы.

«Не догадался!» – поняла Таня. Она сидела не шевелясь, неотрывно глядя на перо Финиста. Волос помог ей, причем сделал это так, что не сработали даже защитные заклинания. Что же это был за волос? Чья прядь материализовалась в загадочном ящике Ягуна? И чего стоило ждать от нее впредь: беды или помощи?

Ощутив легкий укол в ауру – укол, который может почувствовать любой, даже средней опытности маг, Таня обернулась. С последней парты, где пристроились некромаги, на нее внимательно смотрела Жанна Аббатикова.

Едва Таня встретилась с ней взглядом, Аббатикова слегка пожала плечами и отвела глаза. «Я нравился ей когда-то. Но не думаю, что это было настоящее чувство. Так, что-то детское, едва ли серьезное», – вспомнила она слова Бейбарсова. Возможно, он говорил это как-то иначе, но суть была такой.

А что, если Глеб ошибался?

* * *

– Гроттерша, а Гроттерша! – сладко окликнула Склепова, когда после обеда Таня вошла в комнату, собираясь взять прядь волос и показать ее джинну Абдулле.

По тонким губам Гробыни бродила коварная улыбка. Разные по величине глаза смотрели с внимательным вызовом и задором.

«Ну вот, – подумала Таня, – сколько раз я это слышала! Начинается».

– Гроттерша, а Гроттерша! Пробочки серные из ушей вынь, а? – продолжала Склепова.

– А ты язычок спрячь! А то серная кислота капает.

– О, есть контакт! А я опасалась, что связисты линию не протянули! – обрадовалась Склепова. – Лютик, Лютик, это Подорожник! Как слышите меня?

– Подорожник, слышу вас нормально! Уберите ноги с моей кровати и не воняйте, пожалуйста, лаком. Прием!

Гробыня с неохотой переложила ноги на собственное покрывало и улеглась на спину. Кисточка продолжала заботливо порхать у ее ногтей.

– Гроттерша, а ты знаешь, что ты хорошая девочка? – промурлыкала она.

– Не поняла, это что, наезд? – спросила Таня.

– Не-а, не наезд. И даже не повод для драки. Это ярлычок такой на тебе висит. И теперь ты хоть Сарданапала из базуки убей или в грязи выкупайся, все равно ты так навсегда и останешься «хорошей светлой девочкой».

– И что, это плохо?

– Хорошо, плохо – какая разница? Просто хорошие девочки в сто раз чаще попадают в неприятные истории, чем плохие девочки. Причем не потому даже, что ходят по темным улицам, а потому, что в голове у них синий туман и сплошная эйфория. Идеализм… хе-хе… такой высокой пробы, что клейма некуда ставить.

– Ты это о чем?

– Все о том же, о птичках! Вот сейчас ты Крушитележкиным слегка увлеклась.

– Я? Да чихать я хотела на твоего Потрошислонищева!

Гробыня зашевелила губами, пробуя слово на вкус.

– Не, Потрошислонищев не катит. Это для Глеба слишком брутально. Ему больше подходит: Догоняйжирафчиков… Так вот, Гроттерша, Кусайпесиков тебе совсем не пара. Я, конечно, понимаю, что неопытной девочке легко потерять голову. Все эти руки скелетов, превращенные в букеты черных роз, гробы с фиалками и

прочие канцелярские нежности. Будет писать своей кровью записки и целовать кончики пальцев. В общем, роковой мужчина для дам с высшим и незаконченным высшим образованием.

– Типа Жикина, что ли?

– Ну, ты загнула, подруга! Жорик-то у нас известный ломака! Он – для девочек младшего школьного и среднего дошкольного возраста. Если Жорика спросить: «Хочешь чаю?» – он знаешь как ответит?

– Ну и как?

– Не «Да», а «Не буду говорить: нет». Хи-хи!.. Я тут вчера забавлялась. Говорю: «Жорик, ты меня любишь?» А он: «Не рискну утверждать обратное». Я: «Скажи, ты встречаешься с этой обезьяной Попугаевой?» Жорик: «Не стану противоречить. Каждый имеет право на дружеское общение». Клоун из детсада! Выучил тридцать фраз и гоняет их по кругу! Лягайосликов, надо отдать ему должное, гораздо разнообразнее. Если он и повторяется, то так редко, что я этого пока не замечала.

– Я тоже… – удрученно согласилась Таня. – Но хватит о Глебе. Поговори о ком-нибудь другом. Ну хоть о Пипе!

– А что о ней говорить? – отмахнулась Гробыня. – С ней-то как раз все ясно. Пипенция чудовищно верная. Лучше нас с тобой в десять раз. Будет как тетя Нинель и ее… ну, муж, короче, который вампирами рулит! Она стопудово останется с Бульоновым. Пуппер для нее так, психоз юности. Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой.

– А Пуппер с кем останется?

– Чего не знаю, того не знаю. Может, со своей тетей. Будет сидеть с ней у камина, вязать шерстяные носки и сверлить чайные ложки для голодающих Африки. Ладно, ладно, вру! Пуппер достанется Джейн Петушкофф. У них будет три девочки, и всех они назовут Танями. Самой Джейн будет плевать на девчонок, а Пуппер никакого другого женского имени попросту не знает.

Таня расхохоталась.

– А как же их будут отличать, с одинаковыми именами?

– Одну будут звать Таня, вторую Тата, а третью Таташа. Вообрази: три Тани Пуппер с характером их маменьки Петушкофф. В общем, три Джен Эйр из пулеметного расчета.

– А Ванька что? Как он тебе? – спросила Таня, внутренне надеясь на поддержку. И она ее получила.

– Ну, Ванька твой – он внутренне гораздо лучше Боксируймышкина. Не такой броский, без всех этих заманчивых изломов, но очень надежный. Вот смотри, сколько у нас в Тибидохсе всяких недорослей, и один Валялкин еще туда-сюда тянет на хорошего человека. Ну хотя бы в общих чертах! О прочих Сарданапалах и Медузиях я не говорю, они за скобками.

Склепова с беспокойством зашарила взглядом по потолку, не исключая, что оттуда прямо ей в нос ударит молния. Хороший человек и замечательная женщина Медузия Горгонова не переносила, когда ее имя треплют почем зря, особенно в контексте бытовых сплетен.

– Да, Ванька хороший. Очень хороший. Может, именно в этом его беда. Возможно, если бы он один раз взял контрабас и огрел им меня по голове, было бы гораздо лучше! – грустно сказала Таня.

Незаметно сунув в карман локон, Таня захлопнула футляр и, задвинув его под кровать, отправилась в библиотеку к джинну Абдулле.

– Эй, подруга, будь осторожнее с Пинайпесиковым! – крикнула ей вслед Склепова. – Он хоть и неплохой, а все-таки некромаг. А про них недаром говорят: когда просишь некромага подарить тебе котенка, всегда уточняй, какого котенка, живого или мертвого, имеешь в виду. Для истинного некромага отличие видится весьма зыбким.

* * *

Джинн Абдулла был традиционно похож на облако в штанах. Штаны дополняла феска, увенчивающая рыхлую голову. По широкому плоскому лицу плавали крупные бородавки. В минуту, когда Таня вошла в библиотеку, туда пулей влетел перепуганный первокурсник и поспешно выгрузил на конторку стопку книг.

Абдулла недовольно покосился сперва на мальчишку, а затем на большие песочные часы, в которых оставалось еще с полногтя песка.

– А-а, Пухов! Успел-таки! – разочарованно сказал Абдулла, поигрывая формуляром. – А я уже было сглазить тебя собрался! Такой прекрасный новый сглаз! Короста с палец, глаза, выпученные, как у лягушки! Грустно, друг мой, огорчил ты меня! Я так надеялся наконец испытать его на ком-нибудь!

Запыхавшийся мальчишка-первокурсник, мчавшийся, как видно, со всех ног, неуверенно улыбнулся. Он не смел еще верить своему счастью.

– Постой-ка, дружок! Учебник по снятию сглаза ты принес, а где противозапуковая закладка? – безжалостно продолжал Абдулла, мельком просматривая принесенные книги.

Первокурсник вцепился в книгу и торопливо принялся ее перелистывать.

– Неужели ты хочешь сказать, что забыл ее или, того хуже, потерял? Скверно, юноша, скверно! Ну и что теперь с тобой делать? – произнес Абдулла голосом, безжалостным, как нож гильотины.

Мальчишка вспотел. Он пугливо покосился на песочные часы, в которых оставалось не больше дюжины песчинок, рванулся к дверям, чтобы бежать в комнату, и, поняв, что не успевает, в изнеможении рухнул на пол.

Абдулла подождал, пока в песочных часах упадет последняя песчинка, а затем спокойно убрал часы в ящик конторки.

– Не было никакой закладки! Я пошутил. Ступай, друг мой Пухов, развивай память и впредь будь внимательнее! – великодушно сказал он.

Полуживой первокурсник с трудом поднялся на ноги, спотыкаясь, точно слепой, налетел на стену, столкнулся с Таней и лишь затем покинул библиотеку.

Джинн Абдулла идиллически завис над стульчиком и задумался. Его плоское лицо приобрело мечтательное выражение. Джинн настраивался, отлавливая в астрале свою загулявшую музу. Через некоторое время он извлек из-за уха перо и придвинул тетрадь, собираясь продолжить бесконечно переделываемую «Поэму тысячи проклятий». И именно в этот момент Таня кашлянула, напоминая о себе.

Абдулла не стал поднимать голову, однако один его глаз предупредительно переплыл на лоб и изучающе уставился на того, кто его побеспокоил.

– А-а, это ты! – сказал джинн без особого восторга. – Рад, рад… Чему обязан? Если я правильно понимаю, задолженностей у тебя нет. Иначе почему я забыл тебя сглазить?

– Задолженностей у меня нет. Просто я хотела показать кое-что.

– В самом деле? И что же ты хочешь показать бедному глупому старику?

Таня протянула руку и, разжав ладонь, протянула Абдулле прядь волос:

– Вот!

– А-а! Ну-ну… Ну и что?

Джинн посмотрел на волосы без интереса. Он вновь уткнулся в тетрадь и продолжал писать. Таня, которую обидело такое пренебрежение, убрала руку и хотела было уйти, но внезапно заметила, что перо джинна скользит по бумаге, не касаясь ее, а две бородавки на переносице столкнулись и закружились в водовороте.

«Ага, а ведь тебя проняло!» – подумала она, торжествуя. Таня быстро пошла к двери, уже зная, что джинн остановит ее. Так и случилось.

– Постой! – сказал Абдулла. – Э-э… Откуда у тебя этот… м-м-м… фрагмент паричка?

– Долгая история, – проговорила Таня, поспешно ставя блок от подзеркаливания. Подозрительное щекочущее ощущение в волосах исчезло. Абдулла разочарованно вздохнул.

– Долгие истории – моя слабость. Я их обожаю. Итак, девочка, я тебя слушаю! Ты хочешь знать все, не поведав мне при этом ничего? Так нечестно, – сказал джинн.

– Договорились. Я расскажу, откуда эта прядь у меня, а ты поклянись смертельной клятвой, что сообщишь мне все, что знаешь об этой пряди, – отвечала Таня.

– Хочешь сказать, я способен утаить что-то и даже соврать? Хорошенького же ты обо мне мнения! – возмутился джинн.

Таня тактично промолчала.

– Хорошо. Разрази громус, хотя твое предположение меня и оскорбляет! Ну-с! Откуда у тебя это? – буркнул Абдулла.

Таня в общих чертах рассказала ему о ларце и о том, что Ягун обнаружил там. Умолчала она только об экзамене, и то потому, что в отличие от Абдуллы не клялась Разрази громусом.

– Ох уж эти ящики для мелких телепортаций, вечно от них приходится ожидать сюрпризов! – хмыкнул Абдулла. – И ты, конечно, хочешь знать, почему на листке было твое имя?

– Да.

– Ответ очевиден. Потому что кто-то <MI>очень<BI*> <D>этого пожелал. Кто-то магически весьма подкованный начертил несколько рун и привел в действие сильное волшебство. Учитывая, что ящик для телепортаций долгое время стоял без дела и в нем скопилось много магии, именно он притянул то, что тебе

пожелали. Вот и ответ.

– А если бы Ягун не открыл этот ящик, тогда что?

– Тогда ты получила бы локон каким-то другим образом. Неужели ты думаешь, что артефакт, который должен попасть к определенному человеку, не найдет к нему дороги? Ты ошибаешься, милочка! Артефакты мудрее большинства магов, а если и не мудрее, то гораздо лучше знают, чего хотят.

– Ты сказал «локон»?

– Именно. Дай-ка взглянуть еще раз! Кто знает, я мог ошибиться…

Таня протянула прядь Абдулле, но джинн поспешно отдернул руку и спрятал ее за спину.

– Э-э, нет! Предпочитаю разглядывать артефакты на расстоянии. Дистанция, милочка, нужна даже с близкими родственниками, не говоря уже о моментах, когда имеешь дело со своенравнейшими из магических созданий! – сказал он назидательно.

Прищурившись, Абдулла всмотрелся в прядь. Его лицо пошло рябью. Глаза столкнулись и расползлись в разные стороны. Рот, оказавшийся на лбу, криво улыбнулся.

– Точно. Это локон Афродиты, богини любви, которую римляне называли Венерой. Однажды Афродита полюбила молодого красивого пастуха и, отрезав прядь своих волос, подарила их ему. Это был знак любви – величайший дар богини. Вскоре, когда Афродита вернулась на Олимп, пастуха убили пираты. Это была обычная для тех лет история. Пираты высаживались, грабили прибрежные деревни, грузили на корабли награбленные вещи, скот, рабов и поспешно отплывали, прежде чем города успевали прислать войско. Пастуха тоже хотели схватить. За красивого раба могли дать немалую сумму. Но он стал сопротивляться, бросился на пиратов, и копье, войдя ему в грудь, вышло из спины. При этом случилось так, что наконечник копья пронзил мешочек с волосами Афродиты, висевший у него на шее, и оросил их кровью. Убивший его пират сорвал с шеи у мертвого пастуха мешочек с волосами – он решил, что волосы из чистого золота, так они сияли – и принес на корабль. Вернувшаяся к

вечеру богиня зарыдала, увидев тело своего возлюбленного. Воскресить его она не могла, ибо даже боги не всесильны. Поняв, что ее подарок оказался у убийц, она прокляла всех людей, которые когда-либо будут владеть ее волосами, за исключением тех из них, кто достоин лучшей участи. Ночью пиратская триера дала течь и за считаные минуты ушла на дно вместе со всем экипажем. Кто-то из пиратов пытался спастись вплавь, ибо берег был недалеко, но вода почему-то не держала их, хотя многие плавали как рыба. Прядь же волос Афродиты выбросило на берег. С тех пор началось странствие артефакта по миру. Кому-то он принес скорбь, кому-то счастье, но скорбь, увы, была все же чаще.

– Так вот почему ты отдернул руку?

Абдулла хихикнул. Смех у него был неприятнейший, словно кто-то гремел в банке сухим горохом.

– Точно, моя маленькая! Я сделал это на всякий случай. Скорее всего, прядь попросту не далась бы мне, потому что по воле Афродиты ее локон может принадлежать только одному магу или обычному человеку.

– Афродита – богиня любви. Значит, магия этой пряди любовная?

Джинн скрестил руки. Сквозь его прозрачные ладони проглядывали ящики с формулярами.

– Мудрое замечание. Поскольку Афородита заведовала не выпечкой пончиков, то и магия у нее известного рода… Правда, магию пряди слегка подпортило проклятье, которое богиня наложила на всех людей с дурными помыслами, в чьих руках прядь окажется. Но, предположим, дурных помыслов у тебя нет. Тогда на один конец локона ты наговариваешь свое имя, а на другой – имя того, кого ты хочешь любить всю жизнь. И можешь не сомневаться, любовь эта будет взаимной. Самой прекрасной любовью из всех, что знал мир… – произнес он с усмешкой.

– Но это же чудесно! – с недоумением сказала Таня, спотыкаясь о его усмешку.

– Так-то оно так. А вдруг ты ошибешься и произнесешь не то имя? Не то, которое надо было произнести? Магия Афродиты не может быть отведена никем и ничем. Всю жизнь ты будешь прикована к человеку, который, возможно, совсем

тебе не нужен. И все это будет цена одной-единственной ошибки! – с ехидством сказал джинн. – Если же забыть об этом, то у тебя в руках ключ от самой яркой в мире любви, малютка Гроттер… Правда, я тебе совсем не завидую.

– Потому что ты старый и дряхлый? – спросила Таня.

На правах давней знакомой она многое себе могла позволить. Однако забыть сдать книгу она не рискнула бы и сейчас. В конце концов дружба дружбой, а служба службой. Древний джинн всегда придерживался этого правила.

Рот Абдуллы, плавающий у него на лбу, изобразил ироническую улыбку.

– К разговору, кто из нас старый и дряхлый, мы с тобой вернемся лет через… э-э… семьдесят. Лет же через восемьдесят этот разговор вообще не состоится, и я останусь дряхлеть в одиночестве. Три-четыре тысячи лет в запасе у меня еще есть… – заметил он.

– Тогда почему ты мне не завидуешь?

– Локон Афродиты – артефакт своенравный и нетерпеливый. Он много дает, но многого и требует. Нужно воспользоваться им до определенного момента, иначе ты никогда не узнаешь настоящей любви. Проклятие обратится против тебя. Любовь не переносит тех, кто слишком долго демонстративно поворачивался к ней спиной. Любовь любит решительных и смелых, которые именно потому и не делают ошибок, что не боятся их совершить, – с пафосом произнес Абдулла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Другим прощай часто – себе никогда (лат.). Публий Сир, «Сентенции».

2

Счастлив, кто мог познать причины вещей (лат.). Вергилий, «Георгики», II.

3

Оказанное доверие обычно вызывает ответную искренность (лат.). Тит Ливий, «История», XXII.

Купить: https://tellnovel.com/ru/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-lokon-afrodity

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить